

ЛОСКУТКИ

БИОГРАФИИ

*Книга воспоминаний свидетелей
Великой Отечественной войны —
граждан, чьё детство прошло в годы Второй мировой*

Книга воспоминаний подготовлена Сморгонским учреждением «Территориальный центр социального обслуживания населения «Тёплый дом» при реализации проекта «Пожилой человек рядом» при поддержке фонда «Память, ответственность и будущее» в рамках программы «Место встречи - диалог» в сотрудничестве с международным общественным объединением «Взаимопонимание».

Сотрудники проекта выражают благодарность волонтерам, помогавшим собирать аудио- и фотоматериалы для данного издания, редакции газеты «Светлы шлях», размещавшей на страницах издания воспоминания пожилых людей о войне, (многие из воспоминаний присутствуют в этой книге), а также руководителю Сморгонского историко-краеведческого музея, предоставившей фотоматериалы Сморгони времён Великой Отечественной войны.

Авторы-составители: Апонель Я.В., Шпаковская Ю.В.

Содержание:

Введение	4
Глава 1. Сморгонь военная	6
Глава 2. Детство, опалённое войной. Воспоминания детей войны:	
Алексейчик В.Ф.	10
Аляшевич Л.А.	12
Береза А.С.	14
Бровко Р.С.	16
Волк Т.В.	18
Гришан А.В.	23
Зражевская В.И.	29
Киселевич М.И.	30
Коваленко О.М.	32
Лужинская Я.А.	35
Мелещик Н.Н.	36
Мусский М.П.	37
Нежданова В.М. Шанина Г.М.	39
Пастернак Л.А.	41
Пашковская Н.С.	45
Петухина Т.Я.	48
Примак М.В.	50
Сычёва Т.К.	52
Шуксте М.П.	54
Януш Н.И.	56
Глава 3. Фото с интернета	59

Введение.

Эта книга—малая часть проекта «Пожилой человек рядом», реализуемого в 2011-2013гг. учреждением «Территориальный центр социального обслуживания населения «Тёплый дом» при поддержке немецкого фонда «Память, ответственность и будущее» в рамках программы «Место встречи—диалог» в сотрудничестве с международным общественным объединением «Взаимопонимание».

Фонд „Память, ответственность и будущее“ (EVZ)

(<http://www.stiftung-evz.de/rus/>) был учреждён в 2000 году по инициативе немецких предприятий и государства после многолетних переговоров на национальном и международном уровне, прежде всего для выплаты компенсаций бывшим подневольным работникам. Выплаты были завершены в 2007 году. До конца 2006 года свыше 1,6 миллиона человек в почти 100 странах мира получили денежные компенсации. На данном этапе своей деятельности Фонд поддерживает проекты, направленные на повышение интереса к судьбам выживших жертв, достойную оценку их жизненного опыта и улучшение их социального положения. Он способствует усилению общественной ответственности за пожилых людей и за их участие в жизни общества.

Программа поддержки «Место встречи—диалог»

(<http://www.mestovstrechi.info>) Фонда «Память, ответственность и будущее» существует с 2009 года. Её адресатами являются белорусские, русские и украинские организации, деятельность которых направлена на улучшение качества жизни пожилых людей в своих странах. Целевая группа программы «Место встречи—диалог» – это люди, пострадавшие от национал-социализма: бывшие узники гетто и концентрационных лагерей, принудительные работники, советские военнопленные и другие. Фонд поддерживает проекты, предлагающие социальную помощь, а также организующие мероприятия по обмену опытом или сохранению памяти о жертвах нацизма. Поэтому EVZ приветствует участие в проектах людей разного возраста, которые приглашаются для совместной деятельности или приходят в проекты как волонтеры.

Международное общественное объединение (МОО) «Взаимопонимание» (<http://moov.by/>) было зарегистрировано 20 сентября 2007 г. как Минское городское общественное объединение «Взаимопонимание» для оказания помощи лицам, пострадавшим от нацистских преследований, ветеранам Великой Отечественной войны, инвалидам и другим нуждающимся категориям граждан. 07 октября 2008 г. Министерством юстиции Республики Беларусь объединение перерегистрировано в связи с изменением статуса из городского в международное.

Проект «Пожилой человек рядом» направлен на создание условий для преодоления социальной изоляции пожилых граждан Сморгонского района, в том числе людей из числа лиц, привлекавшихся к рабскому принудительному труду во время ВОВ, жертв тоталитарных режимов, участников и ветеранов ВОВ, узников концлагерей и гетто, бывших военнопленных, лиц, чьё детство прошло в годы ВОВ, жителей и освободителей блокадного Ленинграда посредством предоставления им возможности для активной деятельности, обеспечения доступности образовательных и досуговых услуг, организации мероприятий, направленных на установление диалога поколений и удовлетворение духовных и социокультурных потребностей.

Сморгонь военная...

22 июня 1941 г. многомиллионная фашистская армия накинута на Советский Союз. Беларусь стала ареной жестоких боёв...

Накануне Великой Отечественной войны в Сморгони стоял 52-ой противотанковый дивизион 24-ой Железной Самаро-Ульяновской дважды Краснознамённой стрелковой дивизии под командованием генерала К.М. Галицкого, который покинул своё место пребывания и был перекинут в район Гродно для укрепления 2-го оперативного эшелона войск фронта по Гродненскому направлению. В Сморгони

Фото предоставлено музеем

остались только военнослужащие для проведения мобилизации военнообязанных, которая началась 23 июня, но не состоялась, поскольку колонна была расстреляна немецкими самолётами с пулемётов. Оставшиеся в живых вернулись в свои деревни...

На 4-ый день войны, в среду 25 июня, фашисты приблизились к Сморгони. Главные силы нашей армии отступили к Молодечно, оставив перед Сморгонью на Ошмянском тракте, как называли тогда дорогу в сторону Вильнюса, небольшие группы красноармейцев – прикрытия.

Так, на переезде возле д. Гаути оборону держали курсанты Вильнюсского пехотного училища... Погибли смертью храбрых...

Напротив д. Васюки встретили фашистов 2 советских танка, 6 солдат... Погибли смертью храбрых...

Мужественно сражались красноармейцы около деревень Лисичино и Подзелёное, Нараты и Белая, около Морковцев, Светлян, Замостья... Имена многих героев, павших в боях, неизвестны...

...Оккупирован фашистами Сморгонский район был 24 июня. Вскоре после оккупационного разделения он был включен в состав Вилейского гебитскомиссариата. А в декабре 1942 года его северо-западная часть отошла к генеральному округу «Литва». Примерная граница проходила по линии Крево – Саковичи – Селец – Белая и дальше по левобережью Вилии.

И хотя цели оккупантов везде были одинаковые, всё же условия оккупационного режима немного отличались. Так, в «Литве» более бедным семьям к большим католическим праздникам выделялись небольшие пищевые пайки. Один раз в неделю давали подкрепиться людям, которые работали на железной дороге. На белорусской стороне такого не было. И в то же время литовские полицейские отличались жёсткостью и неумолимостью по сравнению с полицейскими других национальностей и даже самих немцев. Именно они делали расправы над жителями во время сельскохозяйственных и строительных работ.

Оккупационная власть держалась на военной силе. В наиболее крупных населённых пунктах были созданы военные гарнизоны... Самый сильный гарнизон был в Сморгони, в котором, по данным партизанской разведки, было 183 человека, пушки, миномёты, пулемёты, танки, грузовые и легковые машины, мотоциклы...

На территории Сморгонского района существовали отделения белорусской полиции, которые вместе с комендатурой руководили жизнью оккупационного края. Назначенные по деревням старосты доносили до жителей распоряжения немецких властей...

Любая непокорность или сопротивление карались смертью. За невыход на работу, нахождение на улице в запрещённое время, прослушивание советских радиопередач, невыплату налогов, хранение оружия, укрывательство евреев и цыган предусматривалась смертная казнь.

...Оккупанты имели в своём распоряжении вооружённые части организации Тодта, которые осуществляли досмотр за дорожными рабочими. Организация Тодта - военизированная правительственная организация фашистской Германии, созданная в 1933 г. Тодтом, который был в то время генеральным инспектором шоссейных дорог и строительства. Во время войны за пределами Германии Тодта была распространена для решения вопросов, связанных непосредственно с военными действиями: восстановления шоссейных и железнодорожных мостов, ремонт полотна шоссейных и железных дорог и т.п.. В Сморгонском районе организация Тодта была в Гаутях...

Чтобы привлечь на свою сторону часть населения, оккупационные власти под своей опекой пробовали создать ряд организаций. В октябре 1941 г. ими было дано разрешение на создание так называемой Белорусской народной самопомощи (БНС), которая была реорганизована в июле 1943 г. в Белорусскую самопомощь БСП). Местные организации БНС были созданы в Сморгони и Жодишках. Под контролем немецких властей они организовывали деятельность по оказанию помощи беженцам, детям-сиротам, занимались культурными делами. Так, в Жодишках был открыт Дом белорусской народной культуры, при нём существовал хоровой кружок.

В 1942 г. в Сморгони под эгидой белорусской оккупационной администрации начала работать Торговая школа (открыта она была ещё в 1930-е гг.). Обучение велось только на белорусском языке, учебники были советские....

Но были и жертвы. Первыми на территории оккупированной Сморгонщины стали председатели сельсоветов, колхозные активисты, депутаты, милиционеры. Их вывозили чаще всего за деревню или в лес, расстреливали и тут же закапывали... Так, в июле – августе 1941 года фашисты фактически расправились с советскими активистами. Тогда погибли все, кто не успел или не захотел спрятаться. Чёрное дело дальнейшей расправы с активистами продолжили в 1943г. аковские отряды. Одним из главных направлений деятельности аковских структур являлась антисоветская пропаганда и агитация.

Кроме того, велась активная разведывательная деятельность, которая при наличии массы информаторов и хорошо налаженной связи с Лондонским центром представляла для советской власти большую опасность. Кроме активной агитационно-пропагандистской и разведывательной работ аковское подполье проводило диверсионную деятельность. Ещё одним из направлений деятельности АК во второй половине 1944 г. было совершение терактов против военнослужащих Красной Армии, советско-партийного актива, а также мирного населения. В первую очередь, терактам подвергались местные активисты и партийно-советские работники.

Еще одной безжалостной приметой оккупации стали концентрационные лагеря. С августа 1941г по 1943г лагерь военнопленных был в Сморгони. Находился он на территории районной больницы. По сведениям местных жителей там содержалось примерно тысяча человек. Пленные в основном использовались на ремонте дорог, зимой чистили снег. Там же, на территории лагеря, находятся и могилы погибших. Так, по материалам обследования Государственной комиссией (работала в 1945г) самой большой братской могилы установлено, что в ней похоронено 320 человек. В 1992г. перед входом в здание Сморгонской районной поликлиники торжественно открыт мемориальный памятник погибшим военнопленным...

... В самом начале оккупации на территории Сморгонского района действовали 2 подпольные группы. Организатором и руководителем одной из них был В.А. Ручица, другой (Залесской) – П.И. Сапач. Члены группы изготавливали и распространяли антифашистские листовки, в них призывали народ к борьбе, рассказывали о событиях на фронте, вселяли в людей уверенность в скорой победе над врагом. Кроме этого подпольщики обличали предателей Родины, которые перешли на службу к фашистам, проводили диверсионную работу...

Партизанские группы и отряды формировались по инициативе коммунистов и беспартийных патриотов, которые по тем или иным обстоятельствам оказались на оккупированной территории Беларуси в 1941 г..

Фото предоставлено музеем

С октября стали создаваться отряды: «За Советскую Беларусь» под командованием А. Волынца, инициативная группа капитана В.А. Черкасова (отряд имени Будённого); отряд им. Суворова и отряд под командованием В. Ц. Цабы, которые позже переросли в бригаду им. Ворошилова под командованием Ф.Р. Маркова. В декабре 1943 г. указом военно-оперативного отдела при Вилейском подпольном обкоме на базе отряда им. Будённого создана бригада имени Будённого. Тогда же из неё была выделена инициативная группа с 8-10 человек для организации партизанского отряда в

Сморгонском районе. Отряд получил имя Фрунзе, его командиром был назначен капитан М.М. Михайлюк. Партизанами отряда взорваны 34 немецких поезда

Фото предоставлено музеем

с людьми и техникой. В 1943 г. в северной части Сморгонского района действовал и особенный партизанский отряд С.Р. Суслова, который был организован в 1942 г. в Минской области. Для руководства партизанским движением при Вилейском подпольном обкоме КПБ был создан военно-оперативный отдел во главе с Ф.Р.

Марковым и отдел пропаганды во главе с В. Буровым, которые координировали деятельность 18 партизанских бригад, диверсионных групп и антифашистских организаций в гарнизонах.

... 23 июня 1944г. началась Белорусская наступательная операция - одна из наиболее стратегических операций Красной Армии в Великую Отечественную войну. Через территорию Сморгонского района наступали три армии - 5-я под командованием генерал-полковника Н.И. Крылова, 11-я гвардейская под командованием генерал-майора К.М. Галицкого и 5-я гвардейская танковая под командованием маршала бронетанковых войск П.М. Ротмистрова. Условной границей между армиями была шоссе́нная дорога Сморгонь - Ошмяны. Фашисты укрепляли Сморгонь, потому что планировали задержать тут советские части, чтоб выиграть время и подготовится к обороне Вильнюса. Но сопротивление фашистов было сразу сломлено.

**Участники освобождения Сморгони
майор И.И. Ершов и
капитан Н.А. Максимович.
Фото предоставлено музеем**

**Мост через реку Вилия.
Фото предоставлено музеем**

Захватив плацдарм на левом берегу р. Вилия, дивизии 3-го корпуса в 9 часов утра 04.07.1944г. начали наступление на Сморгонь, и до 15-00 город был освобожден.

В честь воинов, которые освобождали Сморгонь, за 4 км от Сморгони на правом берегу реки Вилии в 1976г. возведен памятник - «Переправа».

Далее в книге за обычными фактами биографии открывается очень трудная, сложная жизнь людей, испытавших ужасы войны, сиротство, голод и холод и сохранивших после всего пережитого доброту души и чуткость сердца, оптимизм, надежду, трудолюбие...

**Алексейчик
Валентина
Фёдоровна**

Родилась 30 декабря 1936 года в селе Перемское Новосибирской области.

Трудовой педагогический стаж Валентины Федоровны 50 лет. После окончания школы в 1954 году она начала работать старшей пионервожатой и одновременно поступила на заочное отделение учительского института.

Затем продолжила учебу в Минском педагогическом институте имени Горького (теперь университет имени Танка), который окончила в 1962 году. 22 года отработала в Ошмянском районе и 28 лет – в Сморгонском, из них 26 – в школе-интернате, преподавала там математику.

Вот что вспоминает о своей жизни Валентина Федоровна:

- Перед началом войны наша семья жила в деревне Толыново Витебского района. Отец Шматков Федор Егорович ушел на фронт защищать Родину и погиб в бою. Нашу деревню немцы сожгли летом 1942 года. Всех жителей выстроили в один ряд и собирались расстрелять, но почему-то не расстреляли. Помню, как мне с мамой чудом удалось спастись от облавы. Деревню оцепили фашисты. Свободной была только дорога через мост. Но на мосту стояли охранники с автоматами. Вдруг к мосту подошел мужчина, держась за уздечку лошади. Мы с мамой стали за его спину и вместе прошли через мост. Когда переходили мост, он не сказал ни слова, а когда отошли на безопасное расстояние, мужчина внезапно исчез. Охранники нас будто бы и не видели.

Старшая сестра в то время была в партизанском отряде бригады Бирюлина. Командиром отряда был Василий Средняков, молодой парень, москвич. Несколько семей, в том числе и наша (это моя мама, сестра Надежда, брат

Владимир и я) перебрались жить в партизанскую зону. Жили в лесных землянках. 19 мая 1943 года немцы провели против партизан карательную операцию, в которой участвовали войска с фронта. Отряд был разбит, почти все погибли, в том числе и моя старшая сестра Ольга. Она была посмертно награждена орденом за мужество и героизм.

Семьи погибших партизан немцы погрузили в товарные вагоны и долго возили впереди военных эшелонов для прикрытия этих эшелонов от налетов нашей авиации. Потом выгрузили в Литве, в городе Алитусе. Там мама и сестра Надежда работали на сельхозработах у хозяина немца. Это был по сути концлагерь.

Летом 1944 года нас освободили части Красной Армии. Мы вернулись домой в свою сожжённую деревню Толыново. Жили в землянке. Чтобы хоть как-то прокормиться, мой брат Владимир и сестра Надя пошли в лес за черникой, не зная, что лес этот сплошь заминирован. И оба подорвались на mine. Только через год их останки были найдены и преданы земле. Мы остались с мамой вдвоем из большой семьи в шесть человек.

Мама не могла жить на месте, где все напоминало о страшной трагедии. В апреле 1946 года мы уехали в Молодечненскую область, в город Ошмяны.

Прошли годы. Мамы давно уже нет. У меня не осталось даже фотографий отца, сестер, брата. Все было сожжено фашистами вместе с домом и деревней...

**Аляшевич
Леонарда
Амброжевна**

Родилась 6 июня 1938 года в д. Сергеевичи Поставского района Витебской области.

Мне шёл четвёртый год, когда 29 июня 1941 года немцы ворвались в нашу деревню. Послышалась стрельба. Мама, зная страхи с Первой мировой войны, приказала нам не высовываться в окна.

Стрельба затихла на нашей улице и началась в другом конце деревни, по соседству с домом бабушки и тёток, маминых сестёр. С соседнего от них двора выбежал Фелька Матошка и, увидев немцев, кинулся к болоту. Бежал зигзагами, то припадая к земле, то подпрыгивая, чтоб уберечься от пуль. Перед войной служил он в польском войске и поэтому знал способы защиты, но не помогли: упал не добежав. Он первый с сельчан ощутил на себе приход врага. Потом будут и следующие: одни не вернуться с фронта, другие придут раненые и контуженные.

В нашем дворе был (есть и сейчас) глубокий с чистой холодной водой колодец. Возле него на улице облюбовали себе стоянку немцы. Жарили яйца, ели жабы кумпячки, пили кофе, мылись и играли на губных гармошках. Однажды, стоя в кузове машины, немец подозвал нас с подругой и протянул две продолговатые конфеты в развёрнутой бумажке. Когда мы попытались их взять, он быстро поднял конфеты вверх под дикое ржание солдат. Нам было стыдно и больно: зачем и за что? Кажется, я и теперь чувствую обжигающую горечь тех немецких конфет...

Гарнизон стоял в Дуниловичах, за семь километров, но немцы часто заглядывали в нашу деревню. Мужчин с конями гнали в фургоны, собирали продукты, забирали домашний скот. Спасая нашу Горболыску, чуть не погибла мама, когда комендант гарнизона Гик ударил её кнутом, а солдат выстрелил, но не попал, и мы обе упали в глубокий сугроб снега. Солдат вывел со двора корову, привязал к саням в обозе на улице.

Забирали взрослых на строительство узкоколейки в Будслав. Среди них были отец и сестра моей подруги Лёди. Стояла поздняя осень, а они работали на морозе и ночевали в бараках на подстилке с еловых лапок. Семнадцатилетняя девушка простудилась, заболела и, вернувшись домой, умерла от туберкулёза.

В сорок третьем во время блокады жгли деревни и принудительно вывозили молодёжь в Германию.

Летом всей деревней убегали на Круглую ниву – поле посреди болотистого

леса. Грузили на возы имущество, пищу и выезжали за болото. Мне доставалось важное поручение: сидя на возу (отец и сёстры шли рядом), держать на коленях семейную ценность – настенные часы с боем, купленные дедом ещё в 1906 году.

На поляне сельчане ставили в круг возы с поднятыми оглоблями, словно огораживали поле, в центре паслись кони и коровы. Около возов люди жгли костры, готовили еду, там же размещались и ночью. Нам, детям, даже нравилась такая лагерная жизнь: рядом были наши родные и много друзей-одногодок. Только нестерпимо доставали комары, а за лесом гремело и грохотало, небо краснело: горели деревни. Ветер доносил запах гари и куски сажи от сожжённых крыш.

Когда всё успокоилось, вернулись домой. К счастью, наша деревня не сгорела, всё было целым в домах. В конце улицы увидели свежую могилу с табличкой, что тут похоронены пять советских солдат. Мужчины огородили могилку, и мы носили «бойцам» букеты полевых цветов. После войны останки солдат перехоронили в районном центре.

Летом сорок четвёртого пришло освобождение, и началась мобилизация в Западной Беларуси. Моя бабушка отправляла на войну одновременно двоих сыновей, двоих зятьёв и многочисленных племянников. Умерла, не дождавшись сыновей. Под конец июля вернулся домой наш отец, тогда ему исполнилось как раз 50 лет, и его отправили со сборного пункта в Куренцы. Единственный мужчина на семь семей родни.

Каждое утро к нам приходили тётки и двоюродные сёстры: где косить траву, орать или сеять озимые – земля же была у каждого своя. Отец всем клепал косы, учил косить, орать, бороновать, только сеял всем сам: не женское это дело, говорил, ходить по полю с сеянкой. Молотили тоже все вместе дедушкиной молотарней. И прозвали наше единение «Соловьиным колхозом», потому что прозвище нашей семьи Соловьи, а форма хозяйства действительно напоминала колхоз. Так легче было выживать, и семьи не голодали.

Школа наша за войну была разбита. Учительница-ленинградка Мария Борисова сберегла библиотечку и ученикам книги. Несколько книг дала нам. По ним я с помощью сестёр научилась читать по-русски и по-белорусски, а польски научила мама по книгам для богослужения. Перечитала всё, что было в доме, много заучивала наизусть, многое помню до сих пор. Причём, не имело разницы, на каком языке. Когда останавливались в деревне партизаны и забегали к нам перекусить, я «выступала» перед ними со своим «интернациональным репертуаром», вызывая смех и одобрение.

В первый класс пошла в сорок шестом году, и проблем с учёбой не имела. Труднее было в другом: ни одеть, ни обуть нечего. Донашивала то, что осталось от сестёр. Мама перешивала со старого, домотканого. В школе холодно (старое здание), замерзали вода и чернила... начались болезни... Но, спасибо Богу, пережили и это. Главное, что жизнь началась без войны.

**Береза
Анна
Семёновна**

**Родилась 25 ноября 1941 года в д. Жуки
Поставского района Витебской области.
Войну встретила там же.**

**Горькие, тяжёлые годы войны. Не
обошла военная навала и мою родную
деревеньку Жуки, что на Поставщине
Витебской области.**

Я появилась на свет в самом начале войны, можно сказать под свист пуль и плач односельчан. Сама я ничего не помню про войну, только из воспоминаний родителей и старшего брата складывается страшная картина того жуткого времени. Но глубоко в подсознании всё-таки живёт страх, боязнь шума.

Деревня наша считалась партизанской, в километре от неё начинался лес и тянулся на десятки километров в разные стороны. К нам часто наведывались фашисты, забирали последнее со двора, безжалостно убивали тех, кто сопротивлялся. Деревню нашу сожгли почти дотла, с самолётов обстреливали немцы, а соломенные крыши вспыхивали, как свечи. Осталось несколько хибарок, одну из которых, рискуя своей жизнью, спасла наша мама. Мы в ней и остались жить: мама, старший брат и я. Ни сеней, ни крыльца не было, вместо ступеней лежало несколько камней. А стекло в маленьком единственном окошке заменяла сильно натянутая телячья кожа, через которую только при очень хорошем зрении можно было что-то рассмотреть. Пол был земляной. Наша с братом задача была утаптывать (трамбовать) этот пол, чтобы не выносилась на улицу земля.

Мама с Ванюшей работали у тех, кто имел свою землю. Трудились за кусок хлеба, бутылку молока или какую-то одежду. Меня оставляли дома, вернее, возле дома – на это время моей «обителью» был огромный, вросший в землю, камень-валун с выемкой посередине. Служил он мне и кроватью, и столом. Брат рассказывал, что уходя на работу, мама клала меня в выемку, откуда постороннему глазу я была не видна, рядом оставляли какую-нибудь еду, которой я делилась с птицами или бродячими котами. Возвращались вечером. Ванюша забирался на камень и передавал меня сонную (а иногда ещё и вымокшую под дождём) маме.

В моей голове осталась с тех страшных лет только реакция на сильный шум. Вспоминаю такой случай. Случилось это уже после войны, было мне лет пять.

Жили мы тогда в д. Тешелово Поставского района, куда загнало нашу семью безденежье. К тому времени там организовался совхоз, и за работу платили хоть небольшие деньги. Папа только вернулся из плена, и надо было строить дом, кормить семью да ещё покупать лекарства (папа был серьёзно болен). Работали все. К посильной работе привлекали и меня. Однажды отправила мама меня в поле за горохом для супа. Стручков было много, и я быстро наполнила ими свой мешочек – торопилась выполнить задание и уйти, пока сторож меня не заметил. Радовалась в предвкушении вкусного супа. Голод мучил невыносимо! Но попробовать в этот раз супа так и не получилось.

Я услышала нарастающий в небе звук приближающегося самолёта. В моём мозгу вспыхнул ярким воспоминанием ужас военных лет и я, бросив мешочек со стручками, со всех ног, гонимая страхом, побежала изо всех сил. Помню, бежала, падала, кричала, поднималась и бежала, бежала... бежала с одной целью – спрятаться под крышу и просить защиту у своих родных. От перенесённого шока надолго заболела. Лечила меня бабка-шептуха и мамочка, которая поила разными отварами трав да молилась надо мной. Далеко от дома меня после этого случая не отпускали.

**Бровко
Рема
Сергеевна**

Родилась 17 апреля 1936 года в г. Дрисса тогда Полоцкой области (теперь Витебская).

Витебщина. Край голубых озёр, дубрав, берёзовых рощ, памятников старины. Здесь в г. Верхнедвинске (раньше Дрисса), в 1930 году служил на пограничной заставе мой отец Сергей Иванович Дьяченко.

Граница проходила по Западной Двине и разделяла Беларусь на Восточную и Западную. Когда в 1939 году границы не стало, отец работал в военкомате, а мама растила двоих детей. Когда началась война, мне было 5 лет.

В первый же день войны все мужчины ушли на фронт.

Отец только успел отвезти нас в глухую деревню к маминой сестре. У тёти было четверо детей, муж – на фронте. Немцы бомбили город уже на 3 день войны, а через неделю и сами явились. На нашей территории к тому времени уже были колхозы и, чтобы всё имущество не досталось врагу, всех колхозных коров, лошадей, технику вывезли на восток. Первое время ещё были запасы с огорода, продукты, выручало то, что у тёти была корова. Потом пахать землю было нечем, только то, что могли посадить лопатой.

Отец—Сергей Иванович
Дьяченко

Мама переправлялась через реку и продавала отрезки ткани, меняла на зерно, крупу, нанималась на работу к хозяину. Наступило голодное время, когда немцы от 6-х детей, старшей из которых было 8 лет, забрали последнюю корову. Хлеба не видели, летом питались ягодами, грибами, травами.

А сколько пережили страху. Когда слышали, что немцы едут на мотоциклах или на повозках – без предупреждения взрослых сами убегали и прятались в лесу. Там были вырыты окопчики, сверху прикрытые дёрном. Зимой замирали на печи. Обуть и одеть нечего было, на улицу зимой не ходили. Школа не работала. Мы вдвоём старшие обували рваньё какое-нибудь и ходили в лес за дровами с родителями.

В соседних Освейском и Россонском районах (теперь это Верхнедвинский район) была партизанская зона. Сильный партизанский отряд под командованием Петра Мироновича Машерова не давал покоя фашистам. Пускал под откос эшелоны с немецкой техникой. Немцы особенно лютовали на этой территории. В деревне Росица были сожжены живьем две сестры мамы с детками только за то, что их мужья воевали в партизанском отряде.

И вот настал 1944 год. Ни радио, ни газет не было, мы ничего не знали. Услышали гул самолётов, разрывы снарядов, побежали прятаться.

Через некоторое время кто-то принёс известие, что это наступают наши. Мы побежали к дороге, где двигались наши войска. Стали они нас угощать, давать хлеб, кусочки сахара.

Когда войска вошли в Германию, оттуда стали гнать лошадей и коров. И нам дали корову. Тут мы немного отжили.

Мама и тётя пошли работать на ферму в колхоз. К тому времени вернулись и колхозные стада. Привозили льняной жмых (отходы от льносемя) на ферму поить телят, а мама по чуть-чуть приносила, варила с молоком и этим поила нас. Уже весной 1945 года сеяли поля, огороды. Женщины сами впрягались в плуг, а за плугом мы шли.

Рема с мамой

В 1944 году открылась школа. Кто умел читать – сразу шёл во второй класс. И вот 9 мая кто-то принёс из города радостную весть: войне конец. Но эта радость была не для всех. Начали приходиться похороны на погибших. Погиб и мой отец, похоронен в братской могиле на Украине, в Черниговской области. Погиб и муж тётки. Помню в школе у нас были все без отцов. Ещё много лет после войны был голод. В колхозах работникам денег не платили, только в конце года давали зерно, которого на хлеб только на зиму хватало. Весной собирали траву конского щавеля, толкли и пекли лепёшки.

Но как бы ни было трудно, я очень хотела учиться. Писать не на чем и нечем. В подвалах находили немецкие бланки и там писали карандашами. Потом в школе стали давать тетради, железные перья, которые привязывали к палочкам. Чернила делали из марганцовки. Так и писали.

В 1951 году я окончила 7 классов и поступила в Полоцкое педучилище. Мама мне ничем не могла помочь, кроме небольшой пенсии по потере кормильца. По окончании учёбы меня направили в Сморгонский район, где я проработала 40 лет учителем начальных классов, вырастила детей, теперь помогаю растить внуков.

Волк

Тадеуш

Витальевич

(воспоминания записала супруга

Леонарда Аляшевич)

Родился 5 августа 1935 года в д. Черняты Мядельского района. Войну встретил там же.

...Пулемёты стояли сразу за сараем, а Тадик боялся ходить туда. А хотелось, потому что в огороде росла яблоня «мундэрка», как назвал её отец. Осенью яблоки на ней были сочные и ароматные, веточки под тяжестью плодов гнулись почти до земли. Спелые, падали на траву, тропинки – иди и подбирай. Но сейчас не пойдёшь, страшно.

Прошлой осенью Тадик собирал паданки. Лучшие ел сам, худшие отдавал корове. Рябая любила угощаться с его рук. И он приносил то жменьку клевера, то свёклу или репу, то кусочек хлеба. Она осторожно брала гостинец шершавым тёплым язычком и шла куда хочешь за мальчиком, не надо было ни верёвки, ни кнута. Теперь Рябая стоит в сарае, и мать кормит её, хоть можно было б гнать на пастбище, но не то время – война.

Тадик забрался на чердак. Через круглую дырочку-окошко в щите увидел, как с дядькиного дома вышло несколько немцев. Там у них штаб, а дядьку с семьёй выгнали. Они теперь живут в доме родителей Тадика. Тесно, но хорошо: дочь дядьки Маня тоже живёт здесь.

Если бы не война, вместе бы бегали в поле, как и раньше, да играли бы в саду. На хуторе детей больше нет и они с Маней всё время в доме. К тому же Тадик приболел: простудился, и на голове появилась сыпь. Что ни делала мать – становилось хуже и хуже.

Через двор прошёл долговязый немец в белом халате. «Может, доктор», - подумал Тадик.

«Слезай, сынок, вниз!» - позвала мать.

«Что она задумала?» - буркнул мальчик и начал спускаться по лестнице.

Вместе с матерью они вышли во двор, к колодцу. Тадик видит: несколько солдат приделали простынь с куделью к берёзе (словно человек с бородой), целятся в неё и стреляют. Учатся убивать или так забавляются.

Немец в белом подошёл ближе, взял мальчика за руку и повёл в дом-штаб. А мать не бежит сзади, не спасает. «Ну, всё — убьёт, - мелькнула мысль. — Возможно, видел, как я целился в него с рогатки». Когда пришли в штаб, немец достал машинку и начал стричь волосы.

От страха Тадик не чувствовал даже боль, когда холодное лезвие машинки дотронулось до струпьев за ухом.

Потом немец взял баночку с жёлтой мазью и начал смазывать раны. Сильно запекло, заболело, но не закричал: не пожалеют же.

Потом забинтовал всю голову, только глаза и рот оставил.

Немец что-то сказал, и Тадик, догадавшись, что можно идти, кубарем кинулся в свой двор...

Через несколько дней немцы съехали.

— Смотри ты, ничего у нас не трогали, и даже мальчика подлечили, - удивлялась мать. — Откуда-то приносили яйца, курей, привозили свиней, а у нас даже молока не брали.

Отец только хмыкнул и вышел из дома — пошёл в деревню.

Вернувшись под вечер, сказал:

— Надо поросят резать, будут вывозить.

— Какие там поросята? Хорошо, если к Рождеству подрастут, - не соглашалась мать.

— Не удастся подрастить, - отрезал отец и взялся точить нож.

Мать замолчала: отец что-то узнал или о чём-то догадывается. В сентябре тридцать девятого он нюхал немецкий порох под Варшавой, знает вражеский норы.

Мясо посолили в ведра и кадки. Отец снял с чердака скрутки табачных листьев.

Сам не курил, а самосад имел особый. Старательно запаковал в мешок.

— Юзефа, собери подушки и одеяла.

...Назавтра с утра к хутору подошли два конных немца и полицаи.

Мать заголосила, заломила руки:

— Божечка! Что же это делается?!

Отец сложил в воз небогатую поклажу: хлеб, ведра с мясом, соль, мешок картошки, котомки с одеждой и подушками. Мать вывела с сарая корову и подвела к возу.

— Найн! — закричал немец, взмахнув кнутом.

— Корову оставляйте, - объяснил полицаи.

Сели на воз, отец взял вожжи. Кобыла Цитра послушно пошла по знакомой

Отец—Волк Виталий Михайлович

дороге. Рябая ринулась идти сзади. Тадик увидел, как она кинулась за возом, когда тот покатился с горки. Отец стеганул кобылу, чтоб отогнать, а Тадик затрясся от плача. Рябая поняла своего хозяина, вытянула голову вперёд и выдавила с себя надрывное: «Му-у-у». Уже подъезжали к деревне, когда Рябая, оставшись посреди поля, стояла, не зная, что скоро погибнет от дикого зверя или злого человека.

На деревенской улице было много подвод со знакомыми и незнакомыми людьми. Вокруг возов носились вражеские конники: то заедут вперёд обоза, то вернуться назад, чтоб никто не свернул к лесу.

Выехали на дорогу, переехали речку вброд (мост был сожжён). А вот и самая высокая горка. Здесь зимой катались на лыжах и санках, здесь летом бегали по песчаному берегу до самой воды, отсюда видна вся окрестность. Тадик посмотрел назад: едут ли дядька с Маней.

– Мама! Что там? – закричал.

Чёрный дым клубами взвивался в небо. Ветер доносил запах гари и комки сажи – горели соломенные крыши, горела соседняя деревня. Вдалеке от неё яркой свечкой вспыхнул на хуторе их дом.

Отец побелевшими губами прошептал: «А ты говорила - не трогают... Затронули»...

На станции попрощались с Цитрой. Сумки с возов сказали сбросить просто на землю. Какой-то криворотый человек сел на их воз, потянул вожжи и круто повернул со станции. Мать со стоном прижалась к берёзе.

Несколько суток мёрзли на станции. Грелись около костров и ждали неизвестного. Пришёл товарный состав. Погрузились в вагоны. На окнах – решётки, на дверях – крепкие замки... Людей как селёдки в бочке. Тесно, душно. Здесь ели, здесь спали и справляли нужду, не стесняясь один другого, потому что с вагона не выпускали. Донимал голод. Страдали курильщики, готовые отдать последнее за самодельную сигарету. Вот когда понадобился отцовский табак – его мелко крошили и делили между собой.

Проехали польскую границу. Германия. Что ждёт на чужбине?..

... Женщин с лагеря возили на работу, на фабрику, и делали это каждый день. Детям не запрещали выходить за колючую проволоку, и Тадик рассматривал окрестности. Ему не давали покоя слова отца: «Смотри мать, сынок, меня забирают копать окопы на французскую границу». А как смотреть, заботиться? Она приезжала с работы как тень, чуть на ногах держалась от усталости и голода. Раньше, бывало, повар тётя Тося хоть гуще баланды с брюквы нальёт, а теперь сама лежала больная на нарах за занавеской (так

Мать—Юзефа Антоновна

отгораживали себя одна семья от другой). Рядом ещё несколько завешанных нар, там разместились итальянцы, французы – чужие, говорили непонятно, а тётя Тося своя, россиянка, мамина подруга.

Тадик перекинул через плечо шнурок, на котором висел солдатский котелок, и собрался сходить в ближайшую деревню.

Тем временем с ворот лагеря выехал грузовик, в кузове которого сидел солдат, и мальчишка, легко подскочив, вцепился за задний борт, чтоб немного подъехать.

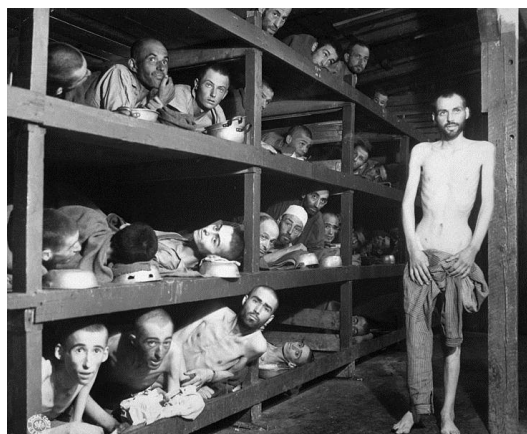

Фото с интернета

От кабины к борту подскочил солдат и ногой в кованом сапоге ударил по рукам малого.

Сильная боль пронзила детское тело, зашумело в голове и стало темно в глазах. Больше он ничего не помнил – как упал на асфальт, как кто-то стянул его с дороги к лагерному ограждению, как сказали матери.

Пришёл в себя только на нарах. Над ним голосила мама: «Сынок, не выходи за ворота: так и убить могут».

Несколько дней не выходил, а потом осмелился. Вдоль дороги росли яблони, и Тадик побежал к одной, другой. Быстренько стал собирать в сумку паданки. И тут чья-то рука схватила его за воротник. Оглянулся – над ним стоял здоровенный немец. Он вытряс с сумки Тадика яблоки, и, сказав, «найн», повёл мальчика в деревню. Открыл железные ворота, за которыми был высокий кирпичный дом, - во дворе зарычали овчарки.

– Ну, всё, разорвут меня собаки, - подумал пленник. Немец пошёл в дом и быстро вынес полбуханки хлеба, кусок сала и коробку с яблоками. Жестами и словами (Тадик кое-что понимал по-немецки) объяснил, что паданки нельзя есть: можно заболеть. Яблоки с коробки и хлеб с салом переложил в сумку мальчика.

– Донесёшь? – спросил.

– Йа, йа, - ответил мальчик и стремглав кинулся со двора, не веря себе, что за ним не гонятся овчарки.

Мама снова поругалась, чтоб не бегал за проходную, но с радостью разделила с женщинами принесённую еду.

Фото с интернета

– Оказывается, и здесь, на Неметчине, есть добрые люди», - сказала она.

За высоким деревянным забором семейного лагеря были такие же бараки для одиноких женщин и мужчин.

Взрослые не могли ходить друг к другу, а дети нашли лаз и ползком пробрались к соседям. Те с радостью встречали гостей, брали на руки, сажали рядом с собой, гладили по головам, а некоторые мужчины даже плакали. В одном бараке было несколько грузин. Они просили мальчиков приносить им металлический лом: разные рейки, пластинки, кусочки дроту – их много валялось за ограждением. Дети охотно выполняли просьбу, не зная, для чего.

И только тогда все догадались, когда в том бараке самодельным оружием была убита охрана и несколько пленников убежали из лагеря. После этого детям запретили выходить за проходную.

Приближалось сопротивление. Шло лето сорок четвёртого года...

... Освободили американцы. Ночью пленники поняли, что исчезла немецкая охрана и бросились через открытые ворота за колючую проволоку до ближайшей деревни. Небо озарялось пожарами, стрельбой зениток, и люди прятались под деревья, в придорожные канавы.

Потом заметили пустые бурты из-под кормовой свёклы.

Пристроились в них. Если кому удавалось найти свёклу, грызли её жёлтую мякоть, словно большое угощение.

Утром беглецов увезли во Франкфурт-на Майне и разместили в пустых немецких домах. Через несколько недель пришли большие машины, чтобы

Фото с интернета

отправить людей в Канаду или Аргентину. Но нескольким семьям не хватило места в машинах, и нужно было ждать ещё. А ночью к ним пришли агитаторы с соседнего русского лагеря.

– Не уезжайте на чужбину, - сказали они. – Вас ждёт Родина. Для вас там построены уже дома... И мама приняла решение отправиться с русскими.

Убегали также ночью, а потом с большими трудностями семья верну-лась домой, в Черняты на Мядельщине. На родном хуторе увидели только печь и кучу пепла... Пристанище нашли у соседей на хуторе. У них была своя семья из четырёх человек и приезжих трое. В небольшом тесном домике как-то мирились, выживали...

Фото с интернета

Фото предоставлено музеем

**Гришан
Александра
Васильевна**

Родилась 13 марта 1932 года в Вологодской области (п. Чагода). Там же встретила войну.

Моя родина Россия. Родилась я на вологодской земле в Чагодощенском районе, который граничит с Ленинградской областью. Когда началась война, мне было 9 лет, я тогда закончила первый класс школы. Жили мы уже неполной семьей (мама

умерла в 1938 году) в добротной 3-х комнатной квартире: я, моя младшая сестра Тамара и уже смертельно больной отец Михеев Василий Иванович.

В связи с эвакуацией населения из Ленинградской области нашу семью потеснили, и мы стали жить в одной комнате. Государство тем не менее не оставило нас без внимания: каждый день к подъезду нашего дома подъезжала машина с хлебным фургоном и нам в семью приносили 1/2 буханки свежего хлеба, а в местной столовой нам, тоже бесплатно, выделяли ежедневно полный обед. Приносить его домой было моей обязанностью. Кушали мы тогда один раз в день. Праздником были дни, когда к нам приходила бабушка или дедушка и приносили нам гостинцы. Папа умер в начале 1942 года, и нас дедушка на саночках увез к себе в дом, в котором уже было 5 человек. Теперь стало семь – все в одной комнате, где большую часть занимала русская печь, кровать и сбитый из досок семейный стол с лавками вокруг него.

Когда в августе 1942 года в районе открылся первый инициативный детский дом, дедушка на коне отвез нас с сестрой в село Избоищи, где мы воспитывались до окончания нами 7-летней школы.

Это были незабываемые годы и по пережитому, и по испытанному...

Уже позже, когда мы готовили встречи своих сверстников по детдому, с позиций взрослого человека, я смогла с глубоким смыслом, искренне оценить всё, выпавшее на нашу долю, и с великой благодарностью вспомнить имена тех, кто заменил нам родителей, понять, насколько огромной была забота о сиротах войны нашего государства в его самые суровые годы. Тогда только в нашей Вологодской области было открыто более 10-ти детских домов. Позже, уже в 1946-ом и 1947-ом годах лучшие их выпускники были направлены в Вологодский детдом для продолжения среднего образования в Вологодском педучилище. В их число попала и я. Это была уже наша путевка в жизнь. Что было бы с нами, если бы не наш детдом?..

Все началось давным-давно,
В те очень страшные начала,
Когда объятая войной страна
От голода детей спасала.
В село далекое, что над рекой,
(глубокая была Кобожа),
Со всех сторон страны родной
Съезжались и ползли обозы.
Свозили в дом на берегу высоком
Детей, искавших ласки и любви,
Детей, которые лишились крова,
Остались без родителей, одни.
...Собралось много нас в семью огромную.
В наш тихий, славный «теремок».
Включились в жизнь кипучую и скромную,
Обжили в доме каждый уголок.
Ну что за жизнь была – поэзия и сказка!
Вокруг война, страдания и смерть,
А мы под ясным небом, в мире ласки
Росли, мужали, познавали свет.
Сезон работали, сезон учились.
Умели делать все, что ни подкинь.
Работая, по-детски мы резвились,
Резвясь, по-взрослому включались в жизнь.
Мы знаем, с нами было трудно:
Попробуй накорми, от холода спаси,
Здоровье дай, убереги от худа,
Одень, обуй, судьбу определи.
Но вопреки всему мы жили славно!
И в жизни не забудем никогда
Под окнами цветов сиянье разных,
А в доме – славные вечера.
Мы выступали в пьесах,
Танцевали польки,
По-разному встречали Новый год;
Костры разжигали, друзей провожали,
Ходили в далекий поход.
Любили зимние вечера:
На улице снега и вьюги,
А в спальне мальчиков всегда
Директор нам читала книги.
Нам близкой и родной была

Судьба Гавроша и Козеты,
(Хоть мы ко времени тому
Были обуты и одеты).
Джен Эйр учила нас любить
И взвешивать страданий грузы,
А мужеству учились мы
У Робинзона Крузо.
И лишь пиратов «Острова сокровищ»
И «Всадника без головы»
Всерьез принять мы не могли,
Послушали о них и к сказке отнесли.
Вокруг была такая благодать,
Такое царство ласки и опеки,
Что нам казалось, в жизни нет ни зла,
Ни подлости и никакой другой помехи.
Так мы росли...
Благодарим судьбу, что многое нам дала.
Наверное, родная мать
Нас так не воспитала б.
Минуло три десятка лет...
Детдому – 35
А нам (увы!) – за сорок...
И вот мы встретились опять!
Выходим на крутой, прибрежный косогорок.
Ну, как не засмеяться!
Не заплакать как в такие редкие минуты?
Когда от детства только шаг,
Когда друзьями не забыт ты...
Собрались, потому что юбилей.
И потому что очень было надо
Сказать спасибо Родине своей
В лице наставника, что был для нас тогда
Отцом и матерью, сестрой и братом.
В суровые годы по зову страны
Откликнулся каждый из них не без робости,
Страдал вместе с нами, будил в нас людей,
Растил у нас чувство радости.
Спасибо вам за то, что мы живем!
Что любим жизнь!
Что в ней не одиноки.
Простите нас, что поздно признаем
Свои ошибки и свои пороки.

Мы очень рады видеть вас!
Мы просто счастливы от встречи!
Пусть льются детства голоса!
Пускай звучат торжественные речи!

Одно из своих стихотворений, посвященных нашим встречам в 1977-ом и 1982-ом годах, я так и назвала: «Мы помним все. За все спасибо».

Мы помним все. За все спасибо!

Я вспоминаю нас в обмотках и лаптях
(святое наше детство, было ты суровым)
Ходили мы тогда в четвертый класс
В мини-домик филиала школы.
Серьезной ожидалась зима.
Кончался 43-ий, ждали стужи.
Земля окоченела и промерзла вся,
Замерзли, не оттаивали лужи.
И хоть для снега время не пришло,
Босым не побежишь, отмерзнут ноги.
Ботинки есть, наверное,
Но сдать в ремонт пришлось,
Их получать не вышли еще сроки.
Ботинки заменили лапотки,
Велики, неуклюжи, тупоносы,
Однако, если б к ним еще чулки,
То отступили бы от ног морозы.
Но нет чулок. Нам выдали обмотки:
Длиннющие, зеленые, как у солдат.
Принарядились цыбатье подростки,
Похожими все стали на цыплят.
Была средь нас подружка озорная
С патентами на шутки и на смех.
Себя все время потешала,
Дарила смех другим и веселила всех.
Я говорю о Шорниковой Жене
(Черненькая, как жучок была)
Однажды она в кровь разбила все колени
И проклинала лапти, как могла.
То ли в них о кочку зацепилась,
То ль от смеха умирая и визжа,
Не заметила, когда обмотка развязалась
И запуталась в ногах, как под конем вожжа.
... Бывало нам смешно порой.

Смешно и грустно в тоже время.
Но мы и до сих пор в долгу перед страной,
Что на себя взяла лихое наше бремя.
Вечерами зимними мы не страдали,
Что не горит над нами яркий свет –
Коптилки тусклые его нам заменяли...
Из взрослой жизни мы посылаем им привет.
Подрастая, юные девчата
Думали совсем не о прическах –
Они мечтали, чтобы хоть когда-то
У них появилась тетрадь в полоску.
Неважно, что мы ели сахарин
И пили молоко с названием «обрат»,
Оно сроднило нас: теперь мы как один
По праву чувствуем себя: сестра и брат.
И вовсе не было бедой,
Когда мы за столом не доедали:
Мы укрепляли рацион травой.
Чего мы только не едали!
Пекли из мерзлого картофеля лепешки,
Любили есть головки у хвоща,
Жевали зерна дикого горошка,
Съедобные искали корневища.
Пережидали, когда мальва отцветет,
И отбирали у нее плоды.
О щавеле, о ягодах и речи не идет –
Их съедены не килограммы, а пуды.
В период сенокоса и жнивьем
Мы попросту паслись на поле.
И только в огороде всяческим путем
Наша ограничивалась воля.
Теперь уж нас не удивляет более,
Что мы росли здоровыми и сильными:
Страна давала нам калории,
Природа нас снабжала витаминами.
О детстве нашем босоногом
С лаптями, сахаринном, вкусом трав,
Наверное, уже забыли многие,
Но мы храним не многих нрав.
О детстве, порохом наполненном,
Пропитанном войной, с грустинкою в глазах,
Мы детям нашим говорим взволнованно,

И внукам обещаем рассказать.
Пусть не обмотку, а нарядный гольфик,
Пускай не лапти носят на ногах,
Пускай не видят вздутый голодом животик.
Живут лишь ароматом, а не вкусам трав.
Пускай едят лимоны, апельсины,
Пусть знают вкус пирожных и тортов,
Пускай еще вкусней находят витамины
И пробуют конфеты всех сортов.
Пускай! Мы живы этой радостью и счастьем
И не позволим их у нас отнять.
Но это счастье, добытое кровью,
Должны и сами дети осознать.
Чтобы сравнивая свое детство с нашим,
Слово «Мир» умели понимать,
Чтобы головы склоняя над могилой павшим,
Мир учились и ценить, и сохранять.

В Беларуси я живу с 1957 года. Вышла замуж за белоруса из Сморгони Гришана Виктора Михайловича. Счастлива. Вырастили мы с ним сына Юрия и дочь Тamarу. Имею 3-х внуков и 2-х правнуков. Работала 8 лет в Сутьковской Средней школе, 4 года директором Вишневской школе и затем заместителем директора и психологом школы-интерната г. Сморгонь. Пенсионерка с 1987 года.

**Зражевская
Валентина
Ивановна**

**Родилась 26 октября 1935 года в г.
Каспийске Дагестанской АССР.**

Когда началась война, наша семья жила в Дагестане. Тогда мне не было ещё 6 лет, а моему брату было 4.

Родители решили, что во время войны мы должны жить рядом со своими родственниками, и поэтому нам лучше переехать на родину родителей – в Ставропольский край. Мы оставили благоустроенное жильё и другое имущество и, взяв самое необходимое, уехали. Но кому мы там нужны были без какого-либо имущества? Вот тогда-то и начались все беды и тяготы войны. Нужно было где-то жить, каждый день что-то есть, пить, отапливать жильё. И мы жили то у одних, то у других родственников или знакомых. Постоянной работы у мамы не было. Как и другие взрослые она ходила работать в поле, а мы, дети, собирали колоски. Есть было нечего, и поэтому мама обменивала на еду все вещи, которые у нас были.

В 1942 году нашу территорию оккупировали. Помню, как наша и соседские семьи прятались в погребе. Туда снесли всё, что могли: одеяла, постели, продукты. Так мы продержались несколько дней, а когда вышли из погреба, то увидели жуткую картину. Дома были сожжены. У многих остались только трубы от печек. К счастью, наш дом уцелел. Но жить в него заселились немцы. Нам досталась только печка, которая нас и согревала, и служила кроватью. В нашем доме жило несколько немцев. Помню, как они готовили себе еду и бросали иногда нам на печку по оладушке. Иногда немцы показывали нам фотографии своих семей. У них тоже были дети, и поэтому к нам они относились неплохо.

В 1943 году случилась большая радость. После Победы под Сталинградом немцев погнали из наших краёв. Нам снова пришлось спрятаться в своём погребе. Наверное, благодаря ему мы и остались живы. Последствия последних боёв были очень страшными. В окопах лежали убитые русские и немецкие солдаты. Мирные жители хоронили и одних, и других.

В 1943 году мы снова сели за парты. Нашим мамам было нелегко нас кормить, обувать и одевать. Но я очень горжусь, что мы достойно пережили эти времена.

**Киселевич
Мария
Ивановна**

Родилась 21 августа 1932 года.

Я была в гостях у дедушки и бабушки в деревне Русское Село Вилейского района, когда услышала, что началась война. Я помню немецкие самолёты с чёрным крестом. Они сбивали наши самолёты со звёздочками. Было очень страшно.

В тот же день за мной на велосипеде приехал папа. Это мама его отправила за мной, чтобы, как она сказала, умирать нам вместе. Когда мы ехали на велосипеде домой, нам навстречу уже ехали немецкие солдаты на танках.

Начались страшные дни. Днём немцы собирали яйца, масло, кур. А ночью приходили партизаны, просили покушать и забирали мужчин для того, чтобы они помогали им идти к железной дороге минировать рельсы и пускать под откос вражеские поезда с оружием. А когда сожгли мост через Вилию, нужно было перевозить партизан на плоту. Лодки держать нельзя было. А плоты прятали в кустах. Я помню случай, когда папа водил партизан на "железку", потом они зашли к нам покушать и остались ждать взрыва. Пока они ждали, они тихонько пели песню. Я прислушалась и запомнила.

На опушке леса старый дуб стоит,
А под этим дубом партизан лежит.
Он лежит, не дышит. Он как будто спит.
А над ним старушка – мать его стоит.
Она горько плачет, сыну говорит:
"Когда ты родился, папа воевал,
Где-то под Одессой жизнь свою отдал.
Я вдовой осталась, семеро детей.
Ты был самый младший, милый мой Андрей.
Я тебя растила, но не сберегла,
А сейчас могила будет здесь твоя.

Помню ещё очень страшный случай накануне Пасхи. Нас, детей, перевезли через Вилию освещать яйца в Сморгонской церкви. А мне папа дал поручение забрать туфли у сапожника к празднику. Поэтому я отстала от своей компании и возвращалась домой одна. Меня догнал мой сосед. Мы остановились напротив

деревни и стали звать, чтобы нас превезли, а из деревни никто не выходит. Пришла моя мама. Она плакала. Сказала, чтобы мы притаились и тихонько сидели, потому что только что приезжали в деревню немцы на мотоциклах с собаками и хотели, чтобы их перевезли на другой берег пособирать пасхальные угощения. Но их не перевезли и они обстреляли всю деревню, но, слава Богу, никого не убили и не сожгли ничего. Когда они уехали, мы вернулись другой дорогой.

...Папу забрали ночью, сказали взять пилу. Мы не спали до утра. Молились и плакали. Папа вернулся под утро. Утром приехали немецкие солдаты, собрали всех мужчин, поставили в ряд, а перед ними – три пулемёта. Немецкий офицер приказал: “Кто ночью ходил на работу – два шага вперёд”. Папа мой был неграмотный, но мог говорить на четырёх языках: польском, белорусском, литовском и немецком. Он вышел и сказал по-немецки: “Мы – безоружные. Куда нам скажут, туда мы и идём. Мы не знаем, кто был ночью. И не знаем, кто вы. Может, вы переодетые партизаны”. И всех отпустили.

В деревне Жодишки стоял немецкий гарнизон. Начальником был, я запомнила его фамилию, Каркос. Он даже привёз с собой жену и детей. Но напали партизаны и всех поубивали. За это нашу деревню сожгли, только на окраинах уцелели дома. Мы жили в окопах. Места всем не хватало, и мама отвела нас к родственникам в деревню. И там я увидела наших солдат. Они, очень запыленные, ехали на танках. Остановились помыться. Я им поливала воду на руки. Они мне дали сахар. Кругом горели деревни. Собирали раненых, вывозили на повозках. Было очень страшно.

Война продолжалась, но летом 1944 года у нас началась мирная жизнь. Мы собирали урожай, потом сеяли. Папу на фронт не забрали. Может быть потому, что он был связным. У нас часто ночевали люди. Один раз я случайно услышала разговор: старичок говорил, что в первую войну орлу оторвали крыло, а во вторую – оторвут голову. Но мне никто не верил, когда я рассказывала. А всё оказалось правдой.

И вот настала весна. Надо было сеять в поле. Папа посеял, а мне сказал забороновать. Вот я работаю, идёт женщина из Сморгони и говорит мне: “Девочка, сегодня нельзя работать. Езжай домой! Сегодня большой праздник – кончилась война!”

Фото предоставлено
музеем

**Коваленко
Ольга
Михайловна**

**Родилась 6 марта 1939 года в д. Дворище
тогда Полесской области (теперь—
Брестская).**

Дворище... Одна из самых больших деревень Хойникского района. Лишь в 1943 году она впервые содрогнулась от немецких танков. День уже перетекал в вечер, было тихо и спокойно, ничего не предвещало беды.

И вдруг... «Бах!» Будто кровавый смерч пронесся в тот вечер над нашей деревней, изменив её до неузнаваемости.

Боль, голод, шок и смерть отныне поселились на земле моего детства.

Тогда я была ещё четырёхлетней девочкой с двумя золотистыми косичками. Весёлая, счастливая, окружённая любовью матери и восьмерых братьев с сёстрами. К сожалению, в 1939 году отца раскулачили и сослали в Сибирь на восемь лет. Старший брат Виктор ещё в начале войны ушёл в партизаны. Я была самой младшей в семье и знать не знала, что такое война. Не знала до определённого вечера. Смертоносной молнией ворвались в дом немцы. Выгнали на улицу мать и её семерых детей. Нас приютила соседка Пелагея, у которой было четыре ребёнка. Жили мы вместе в одной комнате. В те времена некоторые люди не делали полы – просто покрывали землю глиной. Сутками мы сидели на сырой земле. Я до сих пор помню, как холод пробирал до костей, а тело покрывалось ранами от вшей и чесотки. Постоянное чувство голода сводило с ума, и поесть гнилой картошки было уже хорошо.

Дом, в котором мы жили раньше, служил кухней для немецких солдат. Моя мама и девятилетняя сестра помогали солдатам на кухне потому, что за работу им давали хлеб, а иногда даже мясо. Мама делила еду на всех детей – на своих и соседских. Сама же голодала.

Однажды я сидела у окна, наблюдала за тем, как немцы разгружают продукты. Вдруг одна консервная банка упала и покатилась. Я, забыв об опасности, выбежала на улицу, босиком по снегу побежала за консервной банкой, схватила её и бросилась обратно. Высокий, сильный мужчина догнал меня и начал бить. Я упала на землю и своим ручонками стала прикрываться, чтобы хоть немного смягчить удары. Моя испуганная, побледневшая мать упала на колени перед солдатом и стала просить пощадить дочь. Вдруг к нам подошёл

ещё один немец, взял меня на руки и занёс в дом, где была кухня. Там он меня посадил на печку, чтобы я немного погрелась, успокоил и угостил конфетами. Представляете? Конфеты во время войны! Для меня это было чудом.

В Дворище периодически приходил мой старший брат Виктор. Он хорошо знал немецкий язык, переодевался в немецкую военную форму и о чём-то разговаривал с немцами, а поздней ночью куда-то уходил. Пусть мы видели его только на расстоянии, но знали, что он жив. Это высшая награда. А вот Ивана, второго брата, сослали в концлагерь. Неведение, постоянные мысли о том, жив ли он, были мучительными.

Зимний полдень. Зубы стучали от холода, кожа зудела, очень хотелось спать. Но уснуть не получалось, потому что желудок сводило от голода. В дом ворвались немцы. Выгнали нас на улицу, а потом отвели нас на немецкую кухню и поставили всех к печке. Навели на нас оружие, стали допрашивать, что-то кричать. Им донесли, что мой брат Виктор – партизан. Наверное, немцы хотели узнать, где он находится. Меня таскали за волосы, били, а я не понимала, что происходит. Так повторялось три раза. Нас уже приготовили к расстрелу, как на пороге дома появился немец, который когда-то дал мне конфеты, и стал нас защищать. Своими спасёнными жизнями мы обязаны ему. В один прекрасный день немцы покинули Дворище. Мы вошли в наш дом, и мою душу пронзила щемящая боль: пустота. По какому праву эти люди лишили меня детства? Не было у них такого права...

Староста деревни отдал нам приблудившуюся корову, потому что семья большая, а кормильца нет. Мама рвала траву и собирала гнилую картошку, чтобы печь лепёшки для детей. Потом несла передачу нашему партизану, проходя около 60 км в день. Вечером варила серу с дёгтем в надежде излечить чесотку.

А по ночам пекла хлеб партизанам. Вот так мы и выжили.

У нас часто ночевали беженцы. Я привыкла к посторонним людям в доме. Брала лучинку, завязывала на ней тряпочку, будто косынку кукле, и так сама себя развлекала. Это была моя единственная игрушка.

В 1944 году на плечи моей матери обрушилось ещё одно горе. Пришла похоронка. Наш Витенька не вернулся из разведки. Помню, как мама упала на колени и билась головой о землю.

Единственным утешением была весточка от брата Ивана. Он жив! А мы потихоньку поднимали хозяйство. Детей запрягали в плуг, вспахивали огород. Остатками семян делились с соседями. Мы сеяли лён, а мама потом пряла, ткала, шила вручную. Через некоторое время нашей семье дали овцу. Значит, у мамы появилась возможность вязать детям носки и рукавицы. Вроде бы начало всё налаживаться, но беда не приходит одна. Сначала от тифа умер брат Володя, а после него шестилетняя Сонечка. Милая девочка в красном платице и с белыми

кудряшками на голове лежала на лавке, тихо сосала пальчик и совсем неожиданно покинула нас. Мама сколотила гробик, занесла его на кладбище и наедине со своим горем похоронила дочку.

Незаметно пролетали дни. Мы работали, как проклятые. Однажды вечером дети мололи зерновые отруби, а мама пряла овечью шерсть. Вдруг из-за какого-то спора мы начали драться, а мама, успокаивая нас, сказала: «Ціха, дзеткі! Сёння ваш бацька прыйдзе». Мы мигом успокоились и стали расспрашивать мать, откуда она это знает.

Оказалось, что накануне ей приснился сон, как большая птица стучится в окно нашего дома. Так мама поняла, что отец спешит домой. И она не ошиблась. В этот вечер действительно домой вернулась наша «птица спасения» - наш папа и кормилец. И только тогда война для меня закончилась. Пусть на сердце остались раны, пусть тяжело восстановить жизнь в её привычных формах, но война моя закончилась.

Лужинская

Ядвига

Антоновна

Я родилась после войны. Голод, холод и страдания, я, конечно же, хорошо помню, так как на себе испытала.

Нас, троих детей, воспитывали бабушка и мама. Когда было воскресенье, то в доме никто не работал, шли в костел, потом собирались родственники, соседи и говорили про войну, то смеясь, то плача. Мама вспоминала, как с сестрами и соседями копали немцам окопы, зимой чистили на дорогах снег, их заставляли мыть полы.

Однажды на бабушкину усадьбу приехали немцы и сказали, что в доме будут жить «высокие чины немецкие». Бабушка ушла жить с дочерями в другую половину дома. Дом был очень большой, красивая усадьба, огромный сад. Дедушка был офицером польской армии, но был инвалидом, без руки и на тот момент его уже не было в живых.

Немцев наехало много, приказали сделать уборку, вот-вот должны были приехать «высокие чины». Моя мама была очень красивая, но имела черные волосы, и когда немцы увидели, начали кричать: «Юден, юден». Бабушка бросилась немецкому офицеру под ноги, начала просить по-польски, но они поставили маму под яблоньку и хотели расстрелять.

Но в этот момент на машине приехали старшие офицеры, и сказали оставить мою маму. Бабушка объяснила им, что это ее дочь, показала документы, и они отпустили маму, и извинились перед бабушкой. В саду стояла кухня, немцы готовили очень вкусно, и всегда давали еду, хлеб, шоколад, конфеты, тушенку бабушке. Ни один солдат не сорвал яблоко с дерева, пока не заплатит деньги, так приказал им начальник. Они прожили четыре месяца, и в одну прекрасную секунду быстренько собрались и уехали. Очень много продуктов оставили бабушке. Когда стояли уже за десять километров от бабушкиного дома, но часто приезжали, и тогда их полицаи собирали девушек, устраивали в бабушкином доме танцы.

**Мелещик
Николай
Николаевич**

Родился 26 июня 1941 года в д. Дубовый Лог Червенского района Минской области.

Из рассказов матери помню, что в это время шло наступление немцев на нашу страну. В домах мало кто жил, все прятались в лесу. Ночью видно было, как от бомбёжек горел Минск. Роды у мамы происходили в погребе соседнего дома в присутствии бабушки.

Отца я не помню. Перед самой войной его мобилизовали, и он не вернулся в родную деревню. Так как наша деревня стояла в стороне от больших дорог, она уцелела, немцы в неё наведывались очень редко.

Уже сам хорошо помню, как через нашу деревню проходили отступающие немцы. Мы опять все прятались в лесу, болотистом месте, заросшем багульником. Этот запах я и сейчас хорошо помню. Взрослые дали мне в руки иконку и сказали, чтобы я просил Бога о нашем спасении. С ней я ходил в багульнике, навещал соседские семьи и говорил: «Спаси нас, Боженька, и вас тоже».

После войны был организован колхоз «7-ой конгресс Коминтерна». В 10-12 км от нашей деревни располагался торфзавод, где добывали торф вместе с нашими и пленные немцы. Несколько раз они группой приходили выменивать на свою солёную рыбу хлеб, картофель, яйца, молоко. Вид у них был ужасный: в оборванных шинелях, полубосые, истощённые.

Мне кажется, что мы им сочувствовали и, как могли, помогали, хотя сами голодали. При выпечке хлеба в ржаную муку, что получали в колхозе, добавляли головки клевера, семена щавеля. Весной, когда таял снег, ходили на картофельные поля собирать перемерзлый картофель, который разминали в ступе и жарили блины, пышки. В колхозе в конце года на трудодень выдавали по 500 кг ржи, что соответствовало годовому заработку, 150-200 кг зерна на одного человека. Уже позже в пятидесятые годы стали выдавать понемножку сахара и денег. Спасали от голода и нищеты. Я пошёл работать в колхоз, за мной были закреплены лошадь и сани, на которых мы тогда возили торфокрошку на поля для компостов с навозом.

Затем наняли пастухом в соседнюю деревню, где по очереди кормили и давали по одному пуду картофеля для семян.

В 1959 году поступил в ветеринарный техникум, заочно в 1970 году закончил Витебский ветинститут.

Работал в Островецком районе зав. ветучастком, главным врачом совхоза «Подольский», в 1976 году переехал в Сморгонь, где работал сначала в ветстанции, затем директором райплемстанции, директором райветлаборатории, радиологом. В 2005 году вышел на заслуженный отдых.

**Мусский
Михаил
Петрович**

Родился я в 1932 году в деревне Хаусты – это теперешний Войстомский сельисполком Сморгонского района.

Наши места, а это деревни Ягодново, Ордея, Хаусты, Мицковичи, Новосёлки, входили в партизанскую зону Суворовской бригады. Были отряды и других бригад. Комбригом был Овсяников.

Партизанские землянки были в лесу, недалеко (километра полтора) от деревни Ягодново. В противоположном направлении – в сторону деревни Колпея – были наши землянки, которыми мы пользовались, когда приезжали немцы или полицаи с д. Войстом, где находился полицейский гарнизон.

Первый бой в наших местах состоялся зимой 1942-1943гг.. Совсем близко от нашей деревни. Немногочисленная группа партизан устроила засаду на конный немецкий обоз, который двигался от д. Укропинка. Вечерело, когда мы услышали стрельбу. Пули со свистом пролетали по нашей деревне. Это были первые звуки войны, первые страхи, первые травмы на наших детских душах. Бой продолжался недолго. Злые немцы приехали в нашу деревню. В нашем доме делали перевязку руки раненому немцу. Убитых немцев не было. Назавтра утром мы пошли на место боя и увидели очень страшное: лежали убитые партизаны. Увиденное – страшное зрелище – осталось в детской памяти на всю жизнь. Почему такой исход боя? У наших партизан была совсем плохое оружие: простые винтовки времён первой мировой войны. У немцев оружие новое, автоматическое. Убитых немцев не было. Это хорошо или плохо... А если бы были, что было бы с нашей деревней и её людьми?...

Потом появилось много партизан. Их жизнь в землянках в зимнее время была незавидная. Поэтому часть их жила в деревнях по домам. Наш дом был небольшой, однокомнатный. Своя семья – 7 человек, в том числе – маленький ребёнок. И жили ещё три партизана. Всех нужно было накормить, обмыть. А женщины-хозяйки... Была только одна мать с ребёнком на руках. Мне было тогда лет 10 и значительную долю женской работы приходилось выполнять мне, как младшему. У старших были другие обязанности. Почти каждый день я должен был почистить ведро картошки, выполнять и другие хозяйственные работы: молоть зерно и др...

По ночам приходили неизвестные люди. Они не позволяли зажигать лампу.

Были в маскировочных халатах, задавали разные провокационные вопросы. Одни – что даёте партизанам, другие – что даёте полиции? От содержания ответа на эти вопросы зависела наша жизнь. День и ночь она висела на волоске, жили в постоянном страхе. И даже теперь – через столько лет - всё это даёт о себе знать: резкий стук в двери и окна заставляет вздрогнуть.

Деятельность партизан, в основном, заключалась в диверсиях на железной дороге. Немцы и полицаи у нас появлялись редко и большими силами. Но бывало, что они приезжали делать облавы на партизан. Это были конные обозы, но связные успевали передавать партизанам об этом. Была у партизан и разведка. Через несколько минут деревня была пустой. Оставались только совсем немощные и пожилые. Все хватали свои вещи и прятались в лесу, в землянках. Потом партизаны не прятались, а встречали их огнём. Пули свистели около ушей. Бой партизаны вели с некоторых хуторов деревни Мицковичи, с домов.

Как уцелели наши деревни: Мицковичи, Хаусты, Ягодново? Был случай, когда немцы внезапно окружили нашу деревню: делали облаву на партизан. Они всё перетрясли, все строения. Искали партизан, оружие. Но посчастливилось и на этот раз – ничего не нашли. А если бы нашли партизанскую одежду или другие вещи, то это бы стоило нам очень дорого. А тогда забрали последних животных и поехали. Молодых людей в это время в деревне не было – все были в лесу, в землянках.

Шёл 1944 год. Немцы проводили карательные облавы на партизанских зонах. Это могло быть и у нас. Люди старались выехать кто куда. Такой план и возможность были и у нашей семьи: выехать в д. Шутовичи. И вот мои родители, я и маленький двухлетний братик, собрав последнее имущество и чудом уцелевшую корову, на повозке направились в Шутовичи. Путь был трудным, нужно было форсировать реку Вилию. Но случилось ещё более страшное: мы попали под авиационный обстрел и бомбёжку. Враги с самолётов бомбили деревни Ордею, Рудню, Трилесино, Колпею, Завелье. Кругом всё горит, стрельба, с диким свистом летят на землю бомбы. Когда мы подъезжали к Завелью, нас заметил немецкий лётчик и открыл пулемётный огонь. Но Бог спас нас и на этот раз: недалеко был лесок-спаситель. Отец дал команду разбежаться по одному (может хоть кто выживет) и ложится на землю.

С большими муками и трудностями мы добрались до места назначения. И в деревне Шутовичи не обошлось без страхов. При отступлении немцы эти места обстреливали из пушек. Нужно было несколько дней сидеть в подвале и не выходить, не видеть солнца. А кому в 12 лет хочется там сидеть и не видеть, что делается вокруг. Надоела проклятая война! Хочется учиться, радоваться жизни! Война забрала у нас детство. Не воевал на фронте, но видеть смерть и пережить бомбёжки, артобстрелы, пули, потери пришлось...

Всё это оставило глубокий след в наших детских душах...

Шанина

Татьяна Матвеевна

Родилась 24.05.1939 г.

Нежданова

Валентина Матвеевна

Родилась 13.11.1936 г.

в г. Могилёве.

Помним утро 22 июня. Мама готовила завтрак, отца дома не было. Радио передавало необычную то ли музыку, то ли звуки. Мама сообщила, что началась война. Отца вызвали рано утром на работу. Он работал в милиции. Домой он не вернулся. За нами приехала мамина сестра из деревни на лошади. Могилёв уже обстреливали немецкие самолёты.

Когда немцы взяли Могилёв, бомбить стали реже, и мама пошла в город взять кое-что из вещей. Квартира была раскрыта, всё разграблено, а соседка пригрозила, что сообщит немцам.

Начались страшные дни. За нашей деревней Пашково был военный городок. В нём расположился немецкий гарнизон. Немцы приходили в деревню, забирали яйца, ловили кур, свиней, требовали молоко, масло, а затем забрали и корову. Мы с бабушкой очень любили коровку, её звали Красулька, просили не забирать.

Наша коровка через неделю утром вернулась домой, но ненадолго. Пришли немцы и снова увели её и уже насовсем.

Помним, вечером появился отец – грязный, обросший, с бородой, мы его не узнали. Прятался на чердаке. Они решили с мамой, уже беременной, пробираться на папину родину, где большие леса, в Бегомльский район, там должны были быть партизаны. Родители ушли, мы, дети, остались с бабушкой и двумя мамиными сёстрами. Мамы не было долго, уже заморозки начались, все

думали, что она погибла. Но она вернулась усталая, голодная, с опухшими ногами. Рассказывала, что шли больше лесами, по дороге встречали немцев, но обошлось. На родине в деревне Отрубок папа вскоре нашёл знакомых партизан.

Так как кушать было нечего, сестра мамы пошла работать к немцам в столовую, приносила очистки от картошки, кое-что из отходов со стола. А ещё, когда мама родила братика, она нам выделяла по чашечке своего молока.

Часто были облавы, забирали всех в Германию. Работал у немцев старостой знакомый, он предупреждал, чтобы уходили в лес, прятались в землянку, в подвал. Но однажды приехали на мотоциклах немцы с собаками и забрали мамину старшую сестру, хотели маму забрать, но она кормила брата грудью, оставили. Сестра вскоре вернулась, сбежала. Когда мы вместе с мамой прятались на чердаке, видели, как за нашей деревней по вечерам горел костёр. Рассказывали, что там жгли людей, военнопленных.

В 1943 году умерла бабушка, затем наш брат. В 1944 году после освобождения Могилёва мама и сёстры работали в колхозе. От отца вестей не было. И только в 1945 году председатель колхоза, узнав фамилию мамы по отцу Васюкевич, передал письмо от папы. Так как отец был коммунистом, его оставили работать в Западной Белоруссии, в Свири; там, в лесах, было много ещё бандитов.

В Свири мы прожили до 1949 года, потом отца перевели в Сморгонь, работал в милиции до пенсии. Вот так мы остались жить в Сморгони.

**Пастернак
Леокадия
Александровна**

Родилась 5 февраля 1940 года.

Красивый нарочанский край! Кто с белорусов, и не только, его не знает! Очаровывает этот уголок Беларуси, особенно озеро Нарочь. Но это сейчас оно такое доступное. Где-то в 70-х годах спроектирована и построена дорога вокруг озера, благодаря чему сегодня сюда может заглянуть каждый желающий. А раньше?

Раньше были непроходимые болота между деревнями Брусы – моей малой родиной – и Занарочью. Большие, густые леса и топкие болота. Вот тут во время войны и нашли себе место партизанские отряды. Фашисты оккупировали наши земли, но в лес боялись идти. По другую сторону нашей деревни проходила железная дорога, партизаны часто там бывали, особенно в дождливую или снежную погоду...

Наш дом стоял на хуторе, и сюда нередко приходили партизаны. Мой отец пошёл на войну, где и погиб в 1943 году. Жила я с бабушкой, дедушкой и мамой. А отца мы с мамой ждали всю жизнь, как в стихотворении Р. Бородулина "Бацьку":

Не выйшаў ты і ў гэты раз
Мяне спаткаць, паднесці рэчы...
Ля весніц, толькі зноў твой вяз
Крануў галінкамі за плечы.

Ты мне не падасі рукі,
Глядзіш удаль з-пад шкла партрэта.
Ці бачыш, вырас сын які?
Скажы хоць слова для прывета.

А я... чакаў з усіх дарог
Цябе ў сорок чацвёртым... летам
Калоны ні адной не мог

Я прапусціць з ахапкам кветак.

Хацелася пачуць: "Сыноч..."
Ускрыкнуць радаснае: "Тата!"

Бацькоўскім быў мне кожны крок...

Усё ішлі, ішлі салдаты...

Каторы раз сыходзіў снег...

Дамоў вярнуліся суседзі.

Я кожнаму насустрач бег

І чуў кароткае: "Прыедзе..."

Калі ў крыўдзе мне сябры

Гразіліся бацькамі,

Тады хацелася наўзрыд

Заплакаць шчырымі слязамі.

Не плакаў я - усім на злосць.

Бо ў хаце быў адзін - мужчына.

Не йшоў ты...

Маці маладосць

Глыбей заворвалі маршчыны.

І зараз еду я здалёк,

Чакаю ўсё - зайду, а маці

Мне кажа: "Пазнаеш, сыноч?"

Вось наша ўся сямейка ў хаце..."

Паверыць цяжка мне таму,

Што больш не прыйдзеш ты дадому.

А шапку я заўжды здыму

Перад магілай невядомай.

Наша сямья кормила партизан, давала сухую одежду, как мне рассказывали родные. Помню, когда в 1988 мне с семьёй пришлось переехать сюда, на Сморгонщину, родину мужа, я нашла связанный узелок, в котором были разные документы и много записок с датами и записью от партизан о том, кто, чем и как им помогал. Жалею теперь, что ничего не сохранила. Но не только мы помогали партизанам – почти каждый житель делал всё возможное. Партизаны смело приходили в дома жителей деревни. Базы находились недалеко, всего за 3 км (теперь там стоят макеты и туда приходят туристы).

Но об этой помощи узнали немецкие оккупанты. Наступил жуткий день «Хатыни». 19 сентября 1943 года... На восходе солнца налетели каратели, окружили деревню, согнали всех в одно место, к большому сараю на окраине. Что-то говорили, кричали. Никто не знал немецкого языка, полицаев в нашей деревне не было, поэтому люди ничего не понимали. А ещё, как потом оказалось, карателями были в большинстве латыши. Приказали стариков поставить направо, а молодых и детей – налево. Люди не знали, что будет, догадывались только, что молодых погонят в Германию на работы. Поэтому

некоторые в свои 40 перешли на сторону стариков. А потом... У меня и сегодня сердце сжимается, когда начинаю вспоминать ... А потом стариков согнали в сарай, закрыли и подожгли на наших глазах... А ещё прилетели самолёты и скидывали бомбы на деревню. Кто спрятался в доме – сгорел. Всех, кто живой остался, погнали пешком в Лынтупы. Того, кто пытался бежать, разрывали собаки или догоняла пуля...

Мне было около трёх лет, идти долго не могла, и поэтому кому-то приходилось нести меня по очереди, чтобы не отстать, а иначе – только смерть. Так мы оказались в немецком лагере. Кормили одной едой – пареной репой с капустой. Люди работали на железной дороге. Однажды был взорван вагон с консервами, которые везли фашисты на фронт. Голодные люди схватили по банке тихонько. Под вечер эсесовцы с собаками пришли в первый барак (наш был вторым, поэтому все консервы успели выкинуть через окно в траву) и расстреляли всех...

Ров трупов... Фото из интернета

Самое страшное было, когда бомбили самолёты, чаще по ночам. Такая сильная сирена звучала перед налётами, что земля дрожала. Бомбили американцы и англичане, а потом они же и освободили. Думаю, что не было у них хорошей разведки и плана, почему же они бомбили лагеря пленных?.. Перед глазами и теперь соит та жуткая картина: на небе солнышко встаёт, а тут, на земле, складывают, складывают мёртвых в ряды... Кто-то голосит, кто-то слова вымолвить не может...

И всё же пришёл он, День Победы, пришёл, когда мы были далеко от разваленной Родины. Мамины родители заказывали панихиду по нас – не думали, что мы останемся в живых...

Прошло лето 1945 года, наступила осень. Рассказывали, что курица у бабушки под окном запела, вскочив на почтовый ящик. Все удивились и обрадовались – примета хорошая. И действительно – через неделю мы вернулись. Нас встретили родные мамы. Два её брата вернулись с войны (всего в семье деда было семь человек и нас двое). Здесь уже был свой хлеб и своя картошка, которую сыпали на скатерть. Но для меня в 5 лет самым страшным было голодать. Мне казалось, что голод не закончился. Удивлялись тому, как я длительное время прятала под подушку со стола кусочки хлеба, а потом про них забывала. Мне объясняли, что теперь хлеб будет всегда, но страх брал своё...

Дом наш стоял около самого леса. Там, где в ямах прятали на зиму картошку, был жёлтый песочек, и мы, дети, играли в нём. Как только услышу ещё далёкий гул самолёта, мигом бегу под ёлку. Все зовут меня, не могут понять, что случилось, так как они не слышали тот звук самолёта. А я ещё долго боялась...

В школу всё же я пошла в 6 лет, училась на пятёрки, знала все правила и стихи за 2-ой и 3-ий классы, которые посещали мои тётя и дядя. Когда приезжал инспектор в школу, меня садили за парту в 3-ем классе и я отвечала на все его вопросы. Когда я сама стала учить детей, то спрашивала у своей первой учительницы Анны Михайловны, почему она не перевела меня в 3-ий класс. Та ответила, что совсем молодая тогда была (18 лет всего), а ещё не хотела отдавать меня другой учительнице. Вот таким было моё детство, украденное войной... Да и старость моя не очень радостная: уже 5 лет как я лежу, прикованная к кровати инсультом...

А жить и радоваться жизни, новому дню мне даёт силы моя семья. Очень добрый, щедрый и отзывчивый муж Иван Брониславович, с ним я прожила 48 лет. Воспитали чуткую, добрую, умную и трудолюбивую дочь Наташу. Радость приносят внуки: Настенька окончила университет по специальности журналист-педагог, Дима – медуниверситет. Они же, как ласточки, прилетают, дарят ласку, делятся своими успехами. Всё это даёт даёт мне силы на творческую работу. Правая рука у меня рабочая, вот и приспособилась вышивать картины, в основном природу. Хочется оставить частицу своей души моим родным...

**Пашковская
Надежда
Семёновна**

Родилась 28 апреля 1933 года в семье крестьян в деревне Вирова Славгородского района.

Я была старшим ребёнком. Мой отец погиб на финской войне в 1940 году. Мама постоянно плакала, и я на нервной почве заболела менингитом. Врачи меня чудом спасли, а маме приказали никогда при мне не плакать.

С фронта пришёл двоюродный брат отца и решил нас растить. 10 мая 1941 г. родилась моя сестра Маша. Четвёртый ребёнок в семье. Только она была уже не Семёновна, а Ильинична.

Началась Великая Отечественная война. В тот день я пошла в районный центр, где в секретном отделе райкома партии работала моя тётя Шура. Там уже знали, что произойдёт. Поэтому тётя Шура предложила мне сфотографироваться вместе. У меня сохранилась фотография, сделанная в день объявления войны. Тогда я не была напугана: для меня война уже была – я потеряла отца...

22.07.1941г. По рупору в Пропойске (ныне Славгород) объявляют о начале войны...

Вместе с немцами в нашу деревню ворвалась беда. Мы оказались в зоне между партизанами и немецким фронтом. Днём приходили немцы, а ночью – партизаны. Когда немцы стали отступать, появилась возможность перебраться через реку к партизанам. Но риск был велик, потому что шли с детьми и вещами под обстрелом. Мама боялась нас потерять и решила спрятаться вместе с теми, кто тоже не перебрался, на болоте, в глуши. Так мы, оставив всё, убежали в лес. Только корову свою привели. Отступая, немцы стали нас выгонять из леса. Того, кто не шёл, расстреливали на месте. Мама, конечно, подчинилась. Колоннами нас погнали в Гомельскую область. По пути закрывали на ночь в большие сараи. Некоторые сараи поджигались. Но нас не успели сжечь. Нас гнали в сторону

Днепра. Говорили, что ведут топить. Теперь я знаю, что там готовили переправу, и рабочая сила была необходима. По пути заставляли копать ямы, траншеи. Кругом всё гремело. Чувствовалось, что наши войска наступают. Каждое утро немцы открывали ворота сарая, чтобы выпустить нас. А в одно утро мы их не дождались: сами открыли дверь, и никого не увидели. Все мы разбрелись по ближайшим деревням.

Родители. Отец—Бородатенко Семён Андрианович, мать—Ефросинья Ивановна

Наша семья оказалась в чужой деревне в Гомельской области. Без ничего. Поселились у добрых людей. Хорошо, что хоть корова была, но на одном молоке не проживёшь. Мама сшила торбочки, и мы с братьями пошли просить еду. Из дома в дом. Нам насыпали по чашечке зерна. Мама перемалывала его на жерновах и варила нам затирочку с молоком. Одежды тоже не было. Как-то осенью мы зашли к одному старичку, а он и говорит: «У вас ножки красненькие детки. Нечего вам обувать?», — и сплёл нам лаптики.

В этой деревне дождались освобождения. Шли наши войска. Это было необыкновенное событие, праздник, которому радовались все. Когда возвратились в родные места, увидели, что деревня наша была сожжена. Коровку свою, спасительницу, привели обратно. Под руинами дома нашли огромный сундук проса: мама когда-то в погребе закопала, и, когда всё горело, его завалило. Просо толкли и варили кашу, суп. Картошку мёрзлую собирали. Крахмал из неё делали, хлеб пекли. Так и выживали.

У мамы было четверо сестёр. Тётя Шура из них была самой грамотной. Когда мой отец шёл в бой, он написал ей письмо, в котором просил выучить меня: «Выучи мою дочку, а она потом никого не оставит». Тётя наказ выполнила.

Послевоенное наше детство... Опять голодное, опять босое. Опять коровка и молочко. За три километра носили его на продажу в районный центр. Так мы на хлеб зарабатывали.

До войны я закончила три класса. После болезни врачи запретили учиться, но я пошла в школу. Когда её закончила, тётя стала уговаривать меня поступать в педучилище. Моя подружка поехала в Могилёв, а я в газете прочла про Лиду. Женское имя. Стало интересно, неужели такой город есть? Я поступила в Лидское педучилище, но заболела. Пока лечилась в Славгороде, отстала от учёбы. Вернулась домой, пошла в вечернюю школу и устроилась на работу в райисполком. Тётя Шура научила меня печатать на машинке. Проучилась я в вечерней школе один год, а потом вернулась в училище. Меня сразу перевели на второй курс. С того времени начала проявляться моя активная жизненная

позиция: я стала комсоргом.

*С мужем—Пашковским
Антоном Антоновичем*

В одной группе со мной учился будущий муж, Антон Пашковский. После окончания учёбы меня распределили пионервожатой в городскую школу № 3 города Лиды. А всех наших парней отправили работать директорами сельских восьмилетних школ. Как только я стала работать, забрала к себе брата. Он поступал в сельскохозяйственный техникум и получил двойку по русскому языку. Я пошла к директору, стала объяснять ему, какая у нас семья, какое положение, какой наказ получила от отца.

Этот человек меня выслушал и принял брата. За этот поступок я благодарна ему всю жизнь.

**Петухина
Татьяна
Яковлевна**

Родилась я в 1937 году в селе Погост Калужской области Кировского района.

Когда началась война, отец, Яков Степанович Чумахин, сразу же пошёл на фронт, а мать, Мария Николаевна, с шестью дочками осталась в родном селе. Самой старшей моей сестре, Дусе, на начало войны было 18 лет, а самой младшей, Настеньке, только 1 годик исполнился.

С приходом немцев нас отправили в концлагерь в Брянск, после товарными поездами перевезли в Беларусь, в Слоним. С плена в 1943 году освободили партизаны с отряда имени Пономаренко, и с того времени мы жили в лесу, прятались на болотах от карателей аж до самого освобождения Беларуси. Три мои старшие сестры активно сотрудничали с партизанами, помогали им, за что получили награды.

Я слабо помню то время, но, как рассказывала мать, тогда у нас тоже было трудное положение: жили в землянках, поэтому на детях живого места не было от паразитов, комаров и жуков... Позже мама призналась: «Вы меня простите, доченьки, но я для вас даже смерти у Бога просила... так жутко было и тяжело... но только спасибо Ему, что не послушал меня тогда...»

Но после того, как партизаны освободили нас с концлагеря, искренне говоря, мы особенно не голодали: то где-нибудь конь взорвётся, то корова какая в лесу заблудится – партизаны её поймают и к нам приведут... Да и сам лес помогал.

Зато страху было, когда немцы по лесам стали рыскать русских искать. Наши старались нас своевременно предупредить и спрятать на болоте, иногда там по несколько дней подряд сидели без еды и питьевой воды. Когда уже жажда душила так, что было не сдержаться, - поили детей болотной водой через тряпку.

Немцы в болото не лезли, но постреливали в наш бок... Чтоб их ещё больше напугать, наши выставляли знаки «ТИФ!» Фашисты очень его боялись и старались не заходить за ограждение.

Почему-то в память запал день освобождения: помню, по лесу тогда гул стоял, я за мамин подол ухватилась от страха, а все вокруг куда-то бегут, спешат, что-то кричат... Когда мы уже на дорогу выбежали, стали видны наши танки, тогда все и поняли, почему вокруг все так радуются.

Помню хорошо, как отца встречать с фронта каждый день с младшей сестрой

бегали на вокзал.

Мать нам сказала: «Ищите дядечку с усиками». Мы и искали. К каждому усатому солдату с вопросом приставали: «Вы не наш папа?» Некоторые усмехались, другие смотрели с тоской... Отец вернулся раненый, но живой.

После войны почти все наши родственники вернулись домой, а наш отец решил остаться здесь, в Беларуси, в Ивацевичах. После, когда мы уже достаточно повзрослели, раскидала нас жизнь по разным городам: самая старшая сестра оказалась в Архангельской области, где и умерла, вторая, Катерина, осталась жить в

Ивацевичах, Анечка сейчас живёт в Вологде, Марийка жила в Витебске, а Настенька живёт в Борисове. Я длительное время жила на севере, в Архангельском районе, на родине мужа.

В Сморгонь меня позвала сестра, Мария Яковлевна Чумахина, её как раз сюда пригласили «поднимать» силикатный завод. Где-то в то время у нас умер отец, и мы всей семьёй приехали на похороны. Марийка, как только меня увидела (дети бледные, болезненные), так сразу начала меня перетягивать сюда. Я вначале пробовала поспорить, говоря, что там деньги большие можно заработать, машину купить. Но сестра меня переубедила. Согласилась я на переезд. Тут вначале работала контролёром на заводе, а потом вернулась в сад воспитателем.

**Примак
Мария
Вацлавовна**

Родилась 16 сентября 1932 года в д. Витовцы Вилейского района Минской области.

Месяц май. Это время, когда мы, белорусы, отмечаем день Победы, когда ветераны торжественно шагают по улицам нашего города. Грудь у каждого из них, блестя победным золотом медалей, наполнена волнением.

С радостью и благодарностью горожане приветствуют их.

А я стою, смотрю на них и в моей памяти всплывают события моих детских военных лет. Мне было девять лет, когда началась война.

Фамилия моя Примак Мария Вацлавовна, а девичья Дубаневич. Теперь я живу в Сморгони. Я педагог по образованию. Проработала в школе 47 лет, из них 25 лет в школе-интернате, теперь на пенсии.

Итак, детство и юность мои прошли в деревне Витовцы и местечке Долгиново. В Долгиново было много евреев. У них была своя средняя школа. Наши школы дружили, вместе давали концерты по праздникам. У меня была подруга евреечка по имени Бася.

Мы жили на хуторе. Хутор находился в очень красивом месте. Зеленый луг, речка и высокая гора. На этой горе было несколько могильных плит с надписью на еврейском языке.

Для нас, детей, эта гора была самым любимым местом для игр. Летом мы собирали цветы, плели венки, а зимой катались на санках, лыжах.

1941 год, лето. Было воскресенье. Утром, когда наша семья сидела за завтраком, послышались крики, плач. Мы с сестрой выбежали на улицу, прислушались и поняли, что плачут люди на горе. Мы побежали туда и увидели такую картину.

У надгробных плит стояли люди, плакали и причитали. Это были евреи. Мне запомнилось слово, которое они повторяли, это слово Гитлер.

Придя домой, мы рассказали родителям, что мы видели. Отец пошел к

соседу, у него было радио и они узнали, что началась война. А через день мы слышали гул машин, мотоциклов. По направлению к местечку Долгиново по шоссе двигались немцы. Они врывались в дома и кричали: «Яйко, масло». А вечером на площади повесили двух парней, на груди у них висели таблички с надписью «Партизан». И так каждый день.

Через Долгиново гнали немцы наших пленных солдат. Измученные, голодные, раненные они еле шли. Совсем слабых поддерживали товарищи, потому что немцы обессиленных расстреливали. И дети, и взрослые продукты передавали пленным, но только так, чтобы не заметили немцы.

А как издевались немцы над евреями! Согнали их в одно место, огородили высоким забором. Это место называли «Гетто». На одежду им всем пришили желтые звезды, а на домах было написано «Juden».

Немцы, очевидно, узнав, что им скоро придется покинуть Долгиново, решили уничтожить евреев. За местечком стоял большой сарай. Их туда согнали и подожгли. Из горящего сарая доносились крики. Ведь горели живые люди. А ночь была морозная, тихая, лунная. По снегу стлался дым со страшным запахом.

Моя подружка Бася тоже погибла. Я плакала и долго не могла забыть. Сколько людей погибло от рук фашистов. Ведь каждый день на площади в Долгиново были убитые и повешенные. Теперь там на площади стоит памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Да, мы должны сохранять память, это наш долг. Мы не воевали, но мы сполна заплатили за то, что родились и жили в годы войны на земле, которая первой приняла на себя удар фашистских полчищ, где погиб каждый третий.

**Сычёва
Татьяна
Казимировна**

Родилась в 1937 году в д. Виктолина Островецкого р-на. В то время это была Молодечненская область.

Семья наша была большая крестьянская, тогда ещё не было колхозов. В семье нас было 10 человек, все жили в одном доме: дедушка, бабушка, папа, мама, нас две девочки, дядя с женой и дочкой, тётя Надя, младшая дочь дедушки, незамужняя.

Когда началась война, папу и дядю забрали на фронт. Мы же все женщины и дети остались с одним мужчиной-дедушкой. Работы на земле хватало всем, даже нам, детям. Надо было помогать продуктами партизанам, поскольку они были в наших лесах. Когда появились в деревне немцы, завязалась с партизанами перестрелка. В одном из болот, которых в лесах было много, партизанами были убиты немцы. Тогда староста приказал собраться всем в деревне, найти и захоронить убитых. Их оказалось трое. Я боялась отстать от мамы, пошла с ней в болото, где искали убитых и с трудом нашли. Все трое немцев были почему-то раздеты. Для выноса им сделали из лозовых кустов носилки. Когда я это увидела, очень плакала. Мне тогда, ещё малому ребёнку, было их жалко: ведь они дети чьих-то матерей. (В финскую войну погиб дядя Петя и моя бабушка всё время плакала, потому что не знала даже, где его могила.) Вынесли их на сушу, вырыли яму и всех троих положили друг на друга... Женщины сняли с голов платки, прикрыли их тела, зарыли и поставили крест.

Ещё такое вспоминается. Было приказано немцами собрать всех жителей деревни. И стар, и мал – все выходили семьями. Собрались посреди деревни недалеко от нашего дома, поставили скамейки, на них разместили оружие и приготовились к расстрелу мирных жителей. Плач был неменяемый, стали прятаться друг за друга. Мы с младшей сестрой ухватились за маму, глаза ручонками закрыли и плакали. Но вот прискакали двое на конях и сказали, что донесение ложное. Так остались все живы. После непродолжительного пребывания в нашей деревне немцы потом исчезли и появлялись налётами, неожиданно. Население к этому привыкло. В конце деревни росла высокая липа. На ней прикрепили шест, так, чтобы он был не заметен, к нему привязывалось небольшое красное полотнище. Это был сигнал для партизан, что в деревне нет

немцев.

Во время своих набегов фашисты грабили население, отбирая продукты питания, живых кур, гусей, овец. В то же время хотелось помочь и партизанам. Так и жили в страхе: днём у нас кормились немцы, а ночью мы делились с партизанами. К весне все оставались без продуктов, потому что поля засеивались тем, что было оставлено, как неприкосновенный запас. При этом делились друг с другом, если кому-то не хватало семян. Питались же тем, что давала природа: собирали травы, мёрзлую картошку, придумывали из них всякие блюда.

Война – это голод, война- это смерть, война – это страх.

**Шуксте
Мария
Петровна**

Не умирает мама никогда!

Она как Ангел в жизни и навечно,
Она с тобой, когда тебе на плечи
Вдруг свалится тяжёлая беда.
Зажжётся в небе яркая звезда,
И боль пройдёт, а с ней печаль, тревога.
Прибавит сил святая вера в Бога
Не умирает МАМА никогда!!!

Моя мама, Вайдо Валентина Ивановна (Рубан) родилась в 1920 году в д. Михневичи. Окончила школу. Была комсомолкой. Со своей подругой, Козловской Людмилой, окончила курсы бухгалтеров в г. Ленинграде. Работать начала бухгалтером на ж/д станции Залесье. Здесь встретила свою первую любовь – доктора Лещенко, который в дальнейшем был призван в армию.

И вот пришло страшное время – началась война...

Чтобы не попасть в список угоняемой молодёжи в Германию, мама выходит замуж за Вайдо Петра Андреевича, 1922 года рождения, уроженца д. Ордея, - это было в 1943 г. Венчание проходило в Михневичской церкви. Во время венчания у мамы потухла свеча в руках. По деревенским суевериям – это плохая примета.

После застолья свадебная процессия идёт в соседний дом на танцы. Немцам, которые стояли в деревне, было донесено, что среди гостей есть партизаны. Начинается перестрелка. Убивают родного брата моего отца Вайдо Николая Андреевича, 1923 г.р.

На следующее утро жених везёт свою невесту домой. Впереди везут молодого убитого

Отец –
Вайдо Пётр Андреевич

парня.

Следующая повозка с невестой, которая сменила свой белый наряд на траурный – чёрный. Так мама начинает свою молодую жизнь в д. Ордея – партизанской зоне. В доме родителей частыми гостями были партизаны бригады им. Фрунзе – отряда им. Будённого. Мама помогала партизанам в приготовлении пищи. Часто пекла по 200 штук блинов.

Со стороны д. Михневичи, где стояли немцы, в партизанскую зону приносил сведения брат мамы, Рубан Владимир Иванович, которому в то время было 13 лет, в дальнейшем заведующий Сморгонским РАЙОНО, а потом заведующий ОБЛОНО г. Гродно.

Маленькая Маша

В 1944 г. в семье радость. Родилась я. Но маму это не остановило. Она на руках со мной часто навещала своих родителей, а может быть и с другой целью... Ведь в доме родителей «квартировали немцы».

И вот мама в очередной раз идёт на руках со мной в Михневичи. Партизанскую зону от немецкой разделяла река Вилия. Мама переходила её всегда в брод. Так и в этот раз, дошла до половины и началась перестрелка. Она долго простояла в реке, крепко прижимая к себе самое дорогое. Меня. Так я получила своё первое крещение. Всё больше доходили слухи до деревни Ордея о блокадах партизанских зон на Вилейщине.

Односельчане начали готовиться: копать в лесу землянки, кто на свою семью, кто вместе с родственниками, соседями. И это спасло многим жителям жизнь, когда самолёты начали бомбить деревню.

В июне 1944 г., как раз на Сёмуху, услышали гул бомбардировщиков, и начали сбрасывать свой смертельный груз на Ордею. Деревня была в зоне активных действий партизан бригады им. Суворова и отряда им. Фрунзе. Много деревенской молодёжи ушло в партизаны. Как-то зимой нагрянули немцы на подводах. Выволокли отца из дома и начали допрос, угрожая расстрелом. Отвела беду мама, которая хорошо знала немецкий язык и смогла убедить, что их семья не связана с партизанами. От расстрела удалось спастись, но деревня была сожжена. В то время в деревне проживало 90 жителей и насчитывалось 30 дворов. Остались только два дома. До сих пор не проходит боль о судьбе родных и близких. Мама заболела и умерла. Мне было два года. В наших сердцах осталась одна общая рана – память.

**Януш
Нелла
Ивановна**

Родилась 15 января 1937 года в г. Жлобин. Война застала в д. Сеножатки Жлобинского района Гомельской обл.

Я в полном смысле слова дитя войны. Очевидцев этого страшного кошмара становится всё меньше и меньше, а хочется, чтобы помнили... Ведь смотреть фильмы и читать книги о войне молодые не хотят. А зря...

Мне было 4 года, когда началась война. Жили у бабушки в д. Сеножатки я, мама и маленький братик, двухлетний Борик. Была ещё бабушкина семья. Первое, что я помню: страшный грохот, огромное зарево и колонны стрекочущих мотоциклов на деревенской улице, страшные крики на непонятном языке, ужас в глазах и на лицах взрослых. А потом череда страшных дней...

Мама сшила нам мешочки на лямках через плечо, в них были записки с нашими именами и фамилиями и что-то съестное на случай, если мы потеряемся. Во время бомбёжек она надевала на нас эти мешочки, садилась в уголок, тесно прижимала к себе, чтобы снаряд убил нас вместе... Господи, как страшно об этом вспоминать. Деревня находилась вблизи станции Красный Берег, где находился концлагерь для детей, откуда отправляли детей в фашистские лагеря, где брали кровь для спасения раненых немецких солдат (по словам взрослых). Выжили и вернулись единицы. Маленькие дети погибали. Нас от этой напасти прятали в глубокую круглую яму, сверху закрывали чем-то. Мы сидели тихонько, было холодно и страшно. Однажды рано утром мама и тётя Надя вели нас, детей, куда-нибудь спрятать. По дороге встретились с немецкими солдатами, которые шли в деревню за детьми. Что пережили взрослые, я могу только предполагать. С нами были ещё две двоюродные сестры пяти и четырёх лет. Но Господь пожалел нас. Может, полицейский был добрый или солдаты пожалели нас, а может, крови у таких малышей было мало, но нас отпустили. Взрослые рыдали... Так мы жили в этом ужасе не могу сказать сколько времени. Потом в деревне стало спокойнее. Многих жильцов немцы выгнали из домов и сами поселились в них. Мы оказались в чужом доме только с бабушкой. Дедушку Станислава расстреляли прямо в саду на глазах у детей и взрослых. Немец кричал: «Партизан, партизан».

Молодых заставляли работать на немцев, варить, стирать. Тётю Лилю (ей было 15-16 лет) забрали в лагерь на линию фронта, где-то возле Жлобина или Бобруйска. Бабушка плакала, собрала передачу и отправила маму с тётей Надей проведать дочь. А тётя Лиля тем временем каким-то образом переправилась через Днепр и убежала из лагеря. Немцы забрали маму и тётю Надю. Они боялись, что тётя Лиля связана с партизанами и укажет место, где находится лагерь. Нас осталось трое детей и бабушка. Как же мы плакали каждый день! Теперь бабушка, как наседка, собирала нас под своё крыло... А вечером, когда всё более-менее затихало, брала нас за руки, вела к комендатуре и слёзно умоляла отпустить хотя бы одну дочь, потому что дети остались совсем одни. Вспоминаю один эпизод. Когда мы шли к комендатуре, увидели во дворе лужу, и маленький Борик сказал: «Бабушка, давай утонем в этой речке все». Все жители улицы нам сочувствовали, но немцы требовали, чтобы вернулась тётя Лиля, тогда, может, отпустят маму и тётю Надю. Не знаю, сколько это длилось. Но кроме страха, не помню, что ели, где спали, чем занимались.

Тётя Лиля, оказывается, к этому времени вернулась домой и пряталась на чердаке.

Однажды, в воскресенье, утром на улице появилась мама, сопровождаемая немецким солдатом с автоматом. Ей удалось упросить лагерное начальство повидаться с детьми. У меня был шок. Все дети побежали к маме, а я побежала в другую сторону и куда-то спряталась. И только под долгие уговоры бабушки и мамы вышла к ней...

Собрались односельчане. Как только ни уговаривали немца, угощали, чем только могли, старались напоить, просили, чтобы оставил маму. Но немец был твёрд: «Только в обмен на сбежавшую сестру». И когда фашист приказал маме собираться и вывел под страшный плач детей, с чердака спустилась тётя Лиля. (Эта картина и теперь перед глазами). Что тут было?! Страшно плакали бабушка и мама, обнимая нас. И под крики и плач всех собравшихся людей тётю Лилю под конвоем увёл немец в лагерь. Разве об этом можно забыть? Даже теперь при воспоминании об этих страшных событиях рвётся сердце и катятся слёзы. Слава Богу, что всем удалось выжить в этой страшной войне: маме, тёте Наде, тёте Лиле, бабушке, нам, детям. А папочка мой так и пропал на войне, я его совсем не помню.

А ещё помню, как снова всё гремело и сверкало кругом. Все куда-то шли и ехали. Мы почему-то только с мамой ехали, скорее, шли в этой жуткой толпе. Оказывается, немцы отступали и гнали жителей. Передвигались к Бобруйску, на запад. Вдоль дороги валялись разные вещи, дымилась машины, лежали и бились в оглоблях раненые лошади. А вся река Березина была полностью забита людьми, машинами; помню лошадей, вытягивающих свои длинные шеи, барахтающихся в этом страшном месиве. Наверное, немцам было не до нас. Я не помню как, но мы снова оказались у бабушки. Еду не было и я с бабушкой ходила

собирать в поле «гнилушки» — гнилую подсыхшую картошку.

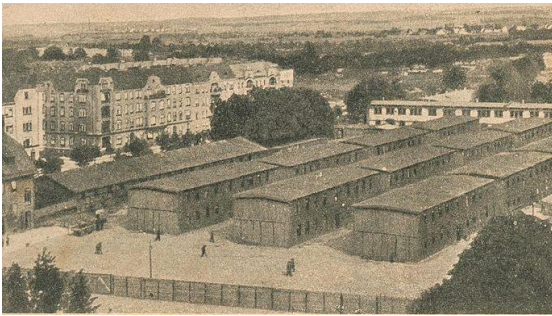
Ещё отложился в памяти день, когда мама получила какое-то письмо и плакала. Это было извещение, что папа «пропал без вести», я так думаю. Был ещё один тревожный день. Все у репродуктора плакали, смеялись, обнимали друг друга. Нам было непонятно. Потом я узнала, что это был День Победы 9 мая 1945 года. Слава Богу, пришёл конец этому страшному кошмару.

Таким было моё детство: без бантиков, красивых платьиц, не помню ни одной игрушки. Я бегала одна к телефонным столбам, стучала палкой и спрашивала, где мой папа...

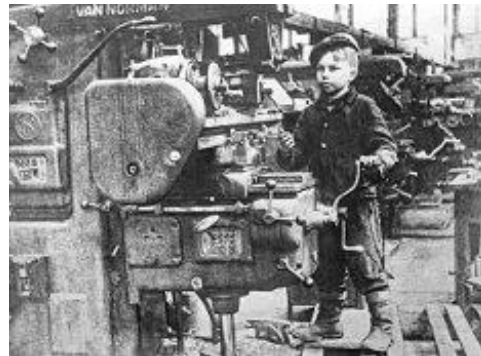
Мальчишки «скакали» на палках, вешали на себя палки на верёвочках. Это были винтовки и боевые кони. Скакали в атаку, рубили крапиву, орали и брали «в плен немцев».

Всё было разрушено: семьи, дома, города. И мама с тётёй Надей, забрав меня и Борика, уехали в Западную Беларусь, менее разрушенную, искать лучшей доли. Так мы оказались в Сморгонском районе, где мама и тётя Надя некоторое время работали в школах, устраивали свои судьбы. Обидно, что Борик, пережив войну, заболел дизентерией и умер в больнице в Сморгони на руках у мамы. Это было страшно, первая смерть в моей жизни. И снова остались мы с мамой одни. Я всё детство боялась её потерять.

Фото с интернета

Немецкий концлагерь Нейсе
(Силезия)

За станком...

Печка Дахау

Освобождение из концлагеря

Дети без детства...

На чужбину...

Слова сердечной благодарности мы адресуем тем людям с особой судьбой, которые прошли через ужасы войны и поделились с нами и подрастающим поколением своими воспоминаниями о детстве, опалённом войной.

Надеемся, что эта книга будет полезна широкому кругу читателей, поскольку опыт и знания пожилых людей бесценны...